ЮЛИЯ ШЕСТАКОВА
ПОКА ТЫ
меня
НЕ ЗНАЕШЬ

Юлия Шестакова

Пока ты меня не знаешь

https://litres.ru/74689972
SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли построить будущее, если прошлое никогда не отпускает?

Алиса живёт в мире, где правда всегда имеет свою цену. Исчезновение отца четырнадцать лет назад оставило в её жизни слишком много вопросов. Когда она начинает собственное расследование, каждый новый шаг приближает её к опасной тайне, в которой переплетаются любовь, предательство, семья и ложь.

Марк привык не доверять никому. Он вырос в тени чужих решений и слишком хорошо знает, как легко правду превратить в оружие. Но встреча с Алисой меняет всё. Вместе им предстоит разобраться в событиях, которые кто-то пытался скрыть любой ценой.

Что сильнее — страх прошлого или желание быть вместе? И можно ли узнать человека по-настоящему, если ты ещё не знаешь, кем он был?

Роман о любви, которая не боится правды.

Содержание

Глава 1. Человек, которого нельзя спасти 5
Глава 2. Шесть недель 21
Глава 3. Письмо, которого не должно было быть 38
Глава 4. Человек за стеклом 49
Глава 5. Чужое имя 69
Глава 6. Последнее заключение 88
Глава 7. Тот, кто едет следом 116
Глава 8. Он был там в ту ночь 137
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Юлия Шестакова
Пока ты меня не знаешь

Пока ты меня не знаешь
Юлия Шестакова

Глава 1. Человек, которого нельзя спасти

В двадцать один сорок семь Алиса Ветрова поняла, что сегодня никто не умрёт.

Она произнесла это про себя, глядя на последнюю строку документа, и только после этого позволила себе закрыть ноутбук.

За панорамным окном Москва тонула в дожде. Огни машин растягивались по мокрому асфальту красными и белыми полосами, стеклянные фасады соседних зданий отражали друг друга, а на двадцать седьмом этаже напротив ещё горели окна нескольких офисов. Кто-то тоже задержался. Кто-то пытался закончить работу до полуночи. Кто-то, возможно, прямо сейчас решал, как объяснить начальнику ошибку, которую уже невозможно исправить.

Алиса знала это чувство.

Она слишком часто встречала людей в тот момент, когда их привычная жизнь начинала рушиться.

Иногда причиной становилась утечка документов. Иногда — неосторожная фраза, сказанная журналисту. Иногда — подпись под договором, который никто не прочитал до конца. Но чаще всего всё начиналось гораздо раньше, с маленького решения, которое казалось разумным, пока не появля-

лись последствия.

Её сегодняшнему клиенту повезло.

По крайней мере, пока.

Скандал, угрожавший уничтожить репутацию крупной компании, удалось удержать в границах управляемого кризиса. Утром выйдет официальное заявление. Днём состоится встреча с журналистами. Через два дня независимые специалисты представят результаты внутренней проверки.

В заявлении не будет слова «катастрофа».

В интервью никто не станет произносить фамилию сотрудника, допустившего ошибку.

А через неделю компания, скорее всего, вернётся к обычной работе.

Алиса умела превращать катастрофы в последовательность неприятных, но решаемых задач.

В этом заключался её талант.

И, возможно, её главная проблема.

Она не спасала людей. Она помогала им пережить последствия собственных решений, сохранить лицо, бизнес, иногда семью. Но за годы работы научилась различать тех, кто действительно хотел исправить ошибку, и тех, кому требовалось лишь убедить окружающих, что ошибки никогда не существовало.

Вторых было больше.

Алиса не испытывала к ним особой неприязни. Осуждение редко помогало делу. Гораздо эффективнее было по-

нять, чего человек боится, на что готов пойти ради самосохранения и в какой момент перестанет говорить правду.

Всё это можно было измерить.

Кроме одного.

Она давно не умела определить момент, когда сама начинала лгать себе.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Сообщение от клиента:

«Алиса, спасибо. Не представляю, что бы мы делали без вас».

Она прочитала его и усмехнулась.

Три часа назад тот же человек требовал от неё невозможного, обвинял журналистов в предвзятости и спрашивал, почему она не может просто заставить всех замолчать. Теперь он благодарил её за профессионализм.

Люди редко менялись за три часа.

Менялись обстоятельства.

Алиса выключила настольную лампу, надела пальто и проверила, закрыла ли рабочие файлы. В сумке лежали ключи от машины, зарядное устройство, блокнот и упаковка таблеток от головной боли, которую она второй месяц обещала себе заменить нормальным сном.

Она уже направилась к выходу, когда телефон зазвонил.

Незнакомый номер.

Алиса посмотрела на экран и позволила звонку закончиться.

Через несколько секунд он повторился.

— Да?

— Алиса Ветрова?

Мужской голос. Спокойный, уверенный, с лёгкой хрипотцой. Человек на другом конце провода не торопился, но и не сомневался, что его выслушают.

— Слушаю.

— Меня зовут Кирилл Романов. Я представляю архитектурное бюро «Волков и партнёры». Хотел бы предложить вам встречу.

Алиса посмотрела на часы.

— Сейчас почти десять вечера.

— Я понимаю. Прошу прощения за время. Но обстоятельства не совсем обычные.

— У вас кризис?

На другом конце возникла короткая пауза.

— Репутационный. В первую очередь.

Алиса вернулась к столу и положила сумку.

— Тогда у вас, вероятно, уже есть список из пяти агентств, которые обещают решить проблему за три дня, и один юрист, который запрещает вам произносить слово «проблема».

Мужчина рассмеялся.

Не вежливо хмыкнул, как это обычно делали люди, пытавшиеся расположить её к себе, а действительно рассмеялся.

— Мне сказали, что вы прямолинейны.

— Кто именно?

— Человек, который рекомендовал обратиться к вам.

— Удобно. Значит, если разговор пойдёт плохо, виноват будет он.

— Постараюсь не доводить до этого.

— Тогда начнём с простого. Кто ваш клиент?

— Марк Волков.

Алиса перестала улыбаться.

Фамилия была знакомой.

Не настолько, чтобы она могла сразу вспомнить все подробности, но достаточно, чтобы в памяти возникли заголовки новостей, фотография мужчины в тёмном костюме и старое здание с ограждением вокруг строительной площадки.

Двенадцать лет назад во время реконструкции общественного комплекса погиб инженер. Молодой мужчина, двадцать девять лет. Официальное расследование установило ряд нарушений, однако ответственность распределялась между несколькими организациями и должностными лицами.

Общество предпочло более простой ответ.

Марк Волков подписывал документы.

Марк Волков руководил проектом.

Марк Волков должен был знать.

А затем в новостях появились фотографии его архитектурного бюро, заголовки о сорванных контрактах и комментарии людей, которые никогда не встречали его лично, но уже знали, что он за человек.

После этого Волков почти исчез из публичного пространства.

Алиса помнила, что много лет назад видела интервью с ним. Тогда он выглядел иначе, чем на последних фотографиях: моложе, увереннее, почти вызывающе спокойным. Журналист задавал вопросы о погибшем инженере, а Волков отвечал коротко, не пытаясь понравиться аудитории.

В конце интервью его спросили, считает ли он себя виноватым.

Он посмотрел прямо в камеру и сказал:

«Я считаю себя ответственным за решения, которые принимаю. Но я не собираюсь признавать то, чего не совершал, только потому, что кому-то нужен удобный виновный».

После этой фразы интервью разошлось на короткие видео.

Одни называли его честным. Другие — бесчувственным.

Алиса тогда подумала, что человек, который действительно понимает устройство публичного скандала, никогда не ответил бы так.

Теперь ей предстояло выяснить, ошиблась ли она.

— Что произошло? — спросила она.

— Сегодня утром в сеть попали документы по старому делу. Несколько фрагментов переписки, которые создают впечатление, что Марк знал о рисках до продолжения работ.

— Он знал?

— Именно это мы хотим установить.

— Нет, Кирилл. Вы хотите, чтобы я определила, что мож-

но сказать публично, а что нельзя. Устанавливать факты будут другие специалисты.

— Справедливо.

— И если вы рассчитываете, что я выйду к журналистам и объявлю Марка Волкова невиновным, можете сразу искать другого консультанта.

— Он не просил вас объявлять его невиновным.

— Пока не просил.

— Он хочет, чтобы вы ознакомились с документами.

Алиса медленно провела пальцем по краю стола.

— Почему именно я?

— Он знаком с вашей работой.

— Многие знакомы с моей работой.

— Он настаивал на вашем имени.

Это прозвучало странно.

Алиса открыла ноутбук, но не стала включать его.

— Пришлите материалы, которые уже находятся в открытом доступе. Никаких внутренних документов до подписания соглашения о конфиденциальности. Я изучу их и решу, имеет ли смысл встреча.

— Хорошо.

— И ещё один вопрос.

— Да?

— Почему вы звоните мне в десять вечера, если встречу можно было назначить утром?

На этот раз пауза оказалась длиннее.

— Потому что Марк узнал о публикации в семь утра. К обеду инвесторы потребовали объяснений. В пять часов один из партнёров заявил, что не собирается участвовать в новом проекте, пока ситуация не прояснится. А час назад мы получили сообщение, что завтра утром появится вторая публикация.

— У вас есть основания полагать, что она содержит новые сведения?

— Да.

— Какие?

— Мы пока не знаем.

Алиса прикрыла глаза.

Она ненавидела эту часть работы. Не сам кризис, а пустоту между первым ударом и моментом, когда становилось ясно, куда именно он пришёлся. В это время все принимали решения, руководствуясь страхом. Люди звонили знакомым журналистам, угрожали юристами, удаляли сообщения, которые не следовало удалять, и отправляли письма, которые через несколько часов становились доказательствами против них.

— Встреча завтра в десять утра, — сказала она. — Но я не обещаю, что возьму дело.

— Понимаю.

— И не передавайте клиенту, что я уже согласилась ему помочь.

— Передам.

Она завершила звонок.

Несколько секунд Алиса сидела неподвижно, глядя на экран телефона.

Затем открыла браузер.

Ввела имя Марка Волкова.

Поисковая выдача появилась мгновенно.

Старые интервью. Фотографии зданий. Статьи о реконструкции. Материалы расследования. Форумы, на которых люди спорили о его виновности, словно присутствовали на заседаниях следственной комиссии.

Алиса открыла последнюю публикацию.

Заголовок гласил:

«Марк Волков знал? Новые документы возвращают к трагедии на стройке».

Она прочитала статью до конца.

В ней было много слов и мало фактов. Несколько цитат без полного контекста, скриншоты неизвестного происхождения, комментарии экспертов, которые не видели оригиналов документов. Автор осторожно избегал прямых обвинений, но выстраивал текст так, чтобы читатель сам пришёл к нужному выводу.

Это было сделано профессионально.

Именно поэтому Алисе не понравилось.

Она открыла изображения документов. На одном из скриншотов виднелась часть письма, отправленного за три дня до трагедии. В тексте упоминалась необходимость до-

полнительной проверки несущего узла конструкции.

Внизу стояла подпись Марка Волкова.

Алиса увеличила изображение.

Подпись была настоящей — по крайней мере, внешне. Но сам документ выглядел так, будто его пересобрали из нескольких фрагментов. Строки не совпадали по интервалам. Дата стояла в другом формате. В одном месте текст был обрезан, словно кто-то намеренно убрал предыдущую часть переписки.

Возможно, это было следствием небрежного сканирования.

Возможно, нет.

Она сохранила изображение.

Затем открыла старые материалы о трагедии.

Денис Орлов, двадцать девять лет. Инженер технического надзора. Работал на объекте четыре месяца. Погиб в результате обрушения части конструкции во время реконструкции общественного здания.

У него остались мать и младшая сестра.

Алиса задержалась на фотографии.

На снимке Денис стоял рядом с бетонной стеной, в рабочей куртке и каске, чуть отвернувшись от камеры. Он не улыбался. Выглядел обычным молодым человеком, который, вероятно, утром собирался на работу, думал о выходных и не представлял, что его имя однажды станет частью чужого скандала.

Алиса закрыла фотографию.

Она не любила, когда человеческую трагедию превращали в инструмент. Но ещё меньше она любила людей, которые использовали искреннее возмущение общества, чтобы направить его туда, куда им было выгодно.

Кто-то явно хотел, чтобы публика снова заговорила о Марке Волкове.

Вопрос заключался в том, зачем.

Алиса вернулась к поисковой выдаче и открыла страницу архитектурного бюро. На главной фотографии был изображён новый проект — общественный центр, который должны были открыть через шесть недель. Большое здание со стеклянным внутренним двором, широкими проходами и террасой, выходящей в парк.

Под изображением стояла подпись:

«Архитектура, которая возвращает городу пространство для жизни».

Алиса почти усмехнулась.

Слишком хорошая фраза для человека, которого обвиняли в том, что он однажды не сумел защитить жизнь.

Она открыла раздел с информацией о проекте. Бюро действительно находилось на завершающем этапе работы. В документах упоминались городское финансирование, частные инвесторы и несколько подрядных организаций.

Шесть недель.

Если публикация окажется достаточно громкой, инвесто-

ры могут отказаться от участия. Если появятся новые документы, городские власти потребуют проверки. Если начнётся официальное разбирательство, открытие перенесут.

И тогда под ударом окажется не только Марк.

Сотрудники бюро, подрядчики, поставщики, люди, которые годами работали над проектом, — все они окажутся участниками истории, которую не выбирали.

Алиса знала, что подобные последствия редко попадали в заголовки.

Она посмотрела на часы.

Двадцать две тридцать одна.

У неё оставалось достаточно времени, чтобы отказаться от встречи и забыть о Волкове до утра.

Вместо этого она открыла календарь и подтвердила приглашение.

Дома было темно и тихо.

Алиса включила свет в прихожей, сняла пальто и поставила сумку на полку. Квартира встретила её привычным запахом кофе, книг и сухого воздуха. На кухонном столе лежал раскрытый ежедневник. У окна стояло кресло, которое она купила два года назад, решив, что наконец научится отдыхать с книгой по вечерам.

Кресло почти всегда пустовало.

Она прошла на кухню, налила воды и вернулась к ноутбуку.

На этот раз она открыла не поисковик, а собственный ар-

хив проектов.

Ей хотелось понять, пересекалась ли она когда-нибудь с Марком Волковым раньше.

Возможно, через общих клиентов. Возможно, на конференции. Возможно, в какой-нибудь рабочей переписке, которую давно забыла.

Она проверила список завершённых проектов, затем календарь за последние пять лет. Ничего.

Никаких совместных встреч.

Никаких договоров.

Никаких упоминаний бюро.

Она откинулась на спинку кресла.

Значит, он действительно выбрал её без очевидной профессиональной причины.

Это не обязательно означало что-то плохое. Иногда люди обращались к специалистам по рекомендации. Иногда им нравился стиль работы. Иногда они просто искали того, кто не был связан с их прежним окружением.

Но Марк Волков не производил впечатления человека, который принимает подобные решения случайно.

Алиса открыла его старое интервью.

На этот раз она смотрела не на ответы, а на паузы между ними.

Журналист задавал вопрос о техническом заключении. Марк отвечал сразу. Вопрос о погибшем инженере — короткая пауза. Вопрос о том, кто подписал разрешение на про-

должение работ, — ещё одна.

Он не выглядел испуганным.

Скорее, каждый раз выбирал между несколькими вариантами ответа и отбрасывал те, которые могли привести к последствиям.

Это было знакомо.

Она видела подобное выражение у руководителей, которым предстояло сообщить плохие новости совету директоров. У врачей, вынужденных объяснять родственникам пациента, что лечение не помогло. У людей, которые понимали: любое слово может стать точкой, после которой ничего нельзя будет вернуть назад.

Но у Марка была одна особенность.

Он не пытался вызвать сочувствие.

Он даже не пытался понравиться.

Возможно, именно поэтому его слова производили такое сильное впечатление.

Алиса закрыла интервью и подошла к окну.

Дождь почти закончился. На стекле оставались редкие капли, за которыми город выглядел размытым и далёким.

Она вспомнила фразу, которую услышала по телефону:

«Он настаивал на вашем имени».

Почему?

Она вернулась к ноутбуку и начала искать фамилию Кирилла Романова, затем — имена партнёров бюро, потом сотрудников, упоминавшихся в материалах о трагедии.

Ничего, что могло бы объяснить выбор.

В какой-то момент она поймала себя на том, что ищет не факты, а подтверждение собственной тревоги.

Это было плохим знаком.

Алиса закрыла ноутбук.

— Не выдумывай, — произнесла она вслух.

В пустой квартире её голос прозвучал слишком громко.

Она выключила свет и пошла в спальню.

Но прежде чем лечь, вернулась к телефону и ещё раз проверила завтрашний календарь.

Встреча с Марком Волковым.

Десять утра.

Она поставила будильник на семь тридцать.

Затем открыла заметки и записала три пункта:

Проверить происхождение документов.

Установить, кто готовит вторую публикацию.

Выяснить, почему Волков выбрал меня.

Последний пункт она перечитала дважды.

Потом добавила ещё одну строку:

Не путать профессиональный интерес с личным.

Она не знала, почему решила написать именно это.

Возможно, потому что уже чувствовала: встреча с Марком Волковым окажется не такой простой, как ей хотелось бы.

Или потому, что в глубине души давно понимала: самые опасные истории начинаются не тогда, когда кто-то открывает дверь.

Они начинаются тогда, когда ты сама решаешь войти.

Глава 2. Шесть недель

В девять пятьдесят восемь Алиса Ветрова стояла перед входом в архитектурное бюро «Волков и партнёры» и пыталась решить, что раздражает её сильнее: дождь, который не прекращался с ночи, или тот факт, что она приехала на две минуты раньше.

Она не любила приходить раньше назначенного времени. Это создавало ненужное пространство для размышлений, а размышления до первой чашки кофе редко приводили к хорошим решениям.

Здание бюро располагалось в бывшем промышленном квартале, который за последние годы превратили в модное деловое пространство. Кирпичные фасады соседствовали со стеклянными пристройками, на первых этажах открывались кофейни, а в бывших цехах теперь работали дизайнеры, архитекторы и небольшие технологические компании.

На входной двери не было ничего лишнего: только название бюро и небольшой металлический знак.

Алиса задержала взгляд на вывеске.

Люди, которые пережили публичную катастрофу, обычно выбирали один из двух путей. Одни начинали демонстративно рассказывать о своём исправлении, словно каждому прохожему требовалось доказать, что они больше не представляют опасности. Другие закрывались от внешнего мира

и пытались восстановить контроль хотя бы над тем, что ещё оставалось в их власти.

Марк Волков, судя по всему, выбрал второй вариант.

Она толкнула дверь.

Внутри оказалось светло. За стойкой администратора стояла девушка в сером костюме, а за стеклянной стеной просматривался просторный зал с рабочими столами и архитектурными макетами. Люди разговаривали вполголоса, кто-то рассматривал чертежи на большом экране, кто-то спорил у белой доски.

Ничего общего с офисом человека, которого пресса много лет изображала опасным и безответственным руководителем.

— Алиса Ветрова? — уточнила администратор.

— Да.

— Вас ждут. Кирилл Романов проводит вас.

Через минуту из коридора появился мужчина лет сорока с аккуратно уложенными светлыми волосами. Он выглядел так, будто даже в чрезвычайной ситуации сначала проверял, правильно ли завязал галстук.

— Спасибо, что приехали.

— Я пока только приехала, — ответила Алиса. — Это ещё не означает, что мы договорились о сотрудничестве.

— Марк предупредил.

— Надеюсь, он предупредил и о том, что я задаю неприятные вопросы.

— Именно поэтому он вас и выбрал.

Алиса посмотрела на Кирилла.

— Вы уже второй раз это говорите. Начинает казаться, что вы репетировали.

Кирилл усмехнулся, но ничего не ответил.

Они прошли по коридору мимо переговорных комнат. На стенах висели фотографии завершённых проектов: общественные пространства, жилые комплексы, небольшие музеи, реконструированные исторические здания. На нескольких снимках Алиса узнала объекты, о которых читала в профессиональных журналах.

Бюро действительно было успешным.

И это делало происходящее интереснее.

Человеку, который потерял всё, можно было предложить сделку ради спасения. Человеку, у которого оставалось достаточно много, приходилось объяснять, почему он должен рискнуть остатками своего положения ради правды.

— Сколько сотрудников? — спросила Алиса.

— Постоянных — сорок два. Плюс подрядчики.

— И сколько из них работали с Волковым до той трагедии?

Кирилл бросил на неё быстрый взгляд.

— Часть команды.

— Они остались с ним?

— Не все.

— Почему?

— У людей были разные причины.

— Это дипломатичный ответ.

— Это честный ответ. Я не могу говорить за каждого.

Алиса оценила формулировку. Кирилл умел отвечать так, чтобы не дать лишней информации, но при этом не произвести впечатление человека, который что-то скрывает. Такие люди часто оказывались полезнее тех, кто считал себя мастером убеждения.

Они остановились перед дверью в кабинет.

— У нас есть около часа, — сказал Кирилл. — В одиннадцать Марк должен созвониться с инвесторами.

— Он будет на встрече?

— Разумеется.

— Хорошо. Я хочу услышать ответы лично от него.

Кирилл открыл дверь.

— Тогда вам понравится наш формат.

Алиса вошла.

И впервые увидела Марка Волкова не на фотографии, не в записи интервью и не на экране телефона.

Вживую.

Он стоял у большого окна, спиной к двери, и разговаривал по телефону. На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами и чёрные брюки. Волосы чуть растрепались, словно он несколько раз провёл по ним рукой. На столе лежали раскрытый ноутбук, папка с документами и две чашки кофе, одна из которых явно успела остыть.

— Нет, — говорил он. — Я не подпишу это сегодня.

Пауза.

— Потому что не видел исходных данных.

Ещё одна пауза.

— Тогда объясните инвесторам, что сроки не важнее безопасности. Если они хотят услышать другую формулировку, пусть позвонят мне сами.

Он завершил разговор и только после этого повернулся.

Алиса ожидала увидеть человека, который сознательно производит впечатление. Возможно, холодного профессионала с тщательно выверенной улыбкой. Возможно, высокомерного мужчину, уверенного, что деньги и положение позволяют ему устанавливать правила.

Но Марк не улыбнулся.

Он просто посмотрел на неё.

И Алиса неожиданно поняла, что все фотографии, которые она видела накануне, не передавали главного.

Его взгляд был внимательным до неприятного. Не оценивающим в привычном смысле — он не задерживался на одежде, не пытался угадать возраст, не искал признаков слабости. Казалось, он хотел понять, что именно заставило её прийти.

— Алиса Ветрова, — произнёс он.

Голос оказался ниже, чем она представляла.

— Марк Волков.

Они пожали руки.

Его ладонь была тёплой, пальцы — сильными. Он отпустил её почти сразу, и всё же Алиса успела заметить небольшую царапину у основания большого пальца.

Странная деталь, которая не имела никакого отношения к делу.

Она немедленно перестала о ней думать.

— Присаживайтесь, — сказал Марк.

— Спасибо.

Алиса выбрала стул напротив него, достала блокнот и положила телефон экраном вниз.

Марк сел, но не стал открывать папку.

Несколько секунд они молчали.

— Вы всегда начинаете встречи с молчания? — спросила она.

— Только когда пытаюсь понять, чего человек ожидает от разговора.

— И чего, по-вашему, ожидаю я?

— Правды.

— Это слишком общий ответ.

— Тогда конкретнее. Вы хотите увидеть документы, установить последовательность событий и выяснить, кто и зачем опубликовал их сейчас.

— Неплохо.

— Но вы пока не решили, верите ли мне.

— А должна?

На этот раз уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Нет.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Алиса подняла глаза.

— Почему?

— Потому что вы меня не знаете.

Он произнёс это спокойно, без вызова. И именно поэтому слова прозвучали убедительно.

Алиса открыла блокнот.

— Тогда начнём с того, что мне известно. Двенадцать лет назад на объекте, которым руководило ваше бюро, погиб инженер. За три дня до происшествия вы подписали документ, в котором упоминалась необходимость дополнительной проверки конструкции. Вчера часть этого документа появилась в сети. Сегодня ожидается новая публикация.

— Верно.

— Вы знали о риске?

— Да.

Она подняла глаза.

— Каком именно?

— В документах были замечания по одному из несущих узлов. Требовалась дополнительная проверка после изменения части проектных решений.

— И вы продолжили работы?

— Работы продолжались на других участках. На участке, о котором шла речь, должны были выполнить проверку.

— Должны были или выполнили?

Марк выдержал её взгляд.

— Я не проверил, что она завершена.

Алиса записала ответ.

— Почему?

— Потому что считал, что процесс находится под контролем.

— Это не причина. Это описание вашей ошибки.

— Согласен.

Он не пытался оправдаться. Не ссылался на обстоятельства, нехватку времени или чужую некомпетентность. Не говорил, что всё было сложнее, чем выглядело в документах.

Алиса ожидала сопротивления. Люди редко признавали собственные ошибки так быстро, особенно когда последствия могли стоить им карьеры.

— Вы понимаете, что ваши слова могут быть использованы против вас? — спросила она.

— Да.

— И всё равно отвечаете прямо?

— Вы ведь пришли не для того, чтобы я рассказывал вам удобную версию.

— Я пришла, чтобы установить факты. Это не одно и то же.

— Хорошо. Тогда задавайте вопросы.

Впервые за утро Алиса почувствовала, что разговор действительно начинается.

Она перевернула страницу.

— Кто отвечал за проверку?

— Технический надзор. Денис Орлов.

Имя прозвучало между ними неожиданно тяжело.

— Вы были с ним знакомы?

— Да.

— Хорошо знакомы?

Марк отвёл взгляд к окну.

Это было первое движение, которое выдавало в нём что-то помимо спокойствия.

— Мы работали вместе почти четыре года.

— Вы были друзьями?

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро.

Алиса не стала комментировать.

— Он предупреждал вас лично?

— Да.

— Когда?

— За несколько дней до происшествия.

— И что именно сказал?

Марк провёл пальцем по краю папки.

— Что ему не нравится, как подрядчик оформляет результаты проверок. Он считал, что часть документов готовится задним числом.

— Вы проверили его подозрения?

— Нет.

— Почему?

— Потому что думал, что он ошибается.

— Вы были уверены в подрядчике?

— Я был уверен в своей способности разобраться, если возникнет реальная проблема.

Алиса перестала писать.

Вот оно.

Не злой умысел. Не обязательно жадность. Не обязательно желание сэкономить или ускорить проект любой ценой.

Самоуверенность.

Самый удобный способ не замечать опасность — считать, что в случае необходимости ты обязательно успеешь её остановить.

— А проблема возникла, — сказала она.

— Да.

— И вы не успели.

— Нет.

В кабинете стало тихо.

За стеклом кто-то прошёл по коридору, не заглянув внутрь. На столе между ними лежала папка, которую Марк до сих пор не открыл.

Алиса смотрела на него и пыталась понять, что именно вызывает у неё настороженность.

Не его ответы. Они были неприятными, но последовательными.

Не молчание. Он не пытался заставить её заполнить паузу.

Дело было в том, что Марк Волков не выглядел челове-

ком, который пришёл просить о помощи.

Он выглядел человеком, который давно решил принять последствия своих поступков и теперь хотел только одного — чтобы никто не подменял реальные события чужой версией.

Это было достойно уважения.

И совершенно не означало, что ему можно доверять.

— Прежде чем мы продолжим, — сказала Алиса, — я объясню условия работы.

Она говорила медленно, тщательно подбирая слова.

Она не станет обещать восстановление репутации. Не будет скрывать факты, которые меняют смысл истории. Не согласится публиковать заявления, противоречащие документам. Если выяснится, что клиент намеренно скрыл от неё существенную информацию, она прекратит работу.

Марк выслушал её до конца.

— Согласен.

— Вы даже не спросили о стоимости.

— Кирилл обсуждал это с вашим агентством.

— А если в ходе работы я выясню, что вы солгали?

— Тогда вы прекратите работу.

— Без попытки договориться?

— Я не вижу смысла платить человеку за то, чтобы он убеждал меня в собственной правоте.

Алиса невольно улыбнулась.

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто каждую фразу заранее проверяете на прочность.

— Только когда от разговора многое зависит.

Она отвела взгляд к папке.

На мгновение ей захотелось спросить, что именно зависит от этого разговора для него лично. Не для бюро, не для инвесторов и не для будущего проекта.

Для него.

Но это был не тот вопрос, с которого следовало начинать.

— Покажите документы, — сказала она.

Марк открыл папку.

Внутри лежали распечатки писем, технические заключения, несколько страниц из журнала работ и копии внутренних распоряжений. Всё было разложено по датам. На первой странице находился список документов, которых не хватало.

Алиса быстро просмотрела его.

— Почему отсутствует оригинал предупреждения Дениса Орлова?

— Его нет в архиве бюро.

— Как это возможно?

— После расследования документы передавались нескольким организациям. Часть хранилась у подрядчика, часть — у следствия, часть осталась у нас.

— И вы не восстановили полный архив за все эти годы?

— Пытались. Не всё удалось найти.

— Вы понимаете, насколько плохо это выглядит?

— Да.

— Тогда почему вы не сообщили об этом публично?

Марк посмотрел на неё.

— Потому что не хочу обвинять человека, не имея доказательств.

Алиса медленно закрыла папку.

— Даже если этот человек мог быть причастен к гибели вашего сотрудника?

— Особенно в этом случае.

Она не ожидала такого ответа.

На секунду в его лице появилось что-то, чего не было прежде. Не боль в привычном, театральном смысле. Скорее, усталость человека, который слишком долго носил внутри вопрос без ответа.

Алиса поймала себя на том, что хочет понять его лучше.

Это было преждевременно.

Она напомнила себе, что перед ней клиент, чья репутация зависит от результатов её работы. Человек, подписавший документ, не убедившись, что необходимые проверки завершены. Человек, который мог скрывать больше, чем рассказывал.

Но теперь у неё появилась причина остаться.

Не ради него.

Ради правды, которая, судя по всему, была куда сложнее, чем утверждали публикации.

— Я возьму дело, — сказала Алиса. — При одном усло-

вии.

— Каком?

— Вы предоставите мне доступ ко всем документам, включая те, которые могут вам навредить. Не через Кирилла. Не после согласования с юристами. Всё, что имеет отношение к делу.

Марк молчал несколько секунд.

— Хорошо.

— И ещё. Я хочу поговорить с людьми, которые работали на объекте. С бывшими сотрудниками, подрядчиками и всеми, кто участвовал в согласованиях.

— Некоторые откажутся.

— Это их право.

— Некоторые могут попытаться вас обмануть.

— Тогда я постараюсь это выяснить.

Марк впервые улыбнулся по-настоящему — едва заметно, без тепла, но с интересом.

— Похоже, вы не любите простых решений.

— Я люблю решения, которые работают.

— Тогда мы сработаемся.

Алиса убрала блокнот в сумку.

— Не торопитесь с выводами.

Она уже направилась к двери, когда Марк произнёс:

— Алиса.

Она обернулась.

— Да?

Он смотрел на неё внимательно, словно всё утро ждал подходящего момента.

— Есть одна вещь, которую вам нужно знать до того, как вы начнёте работать с архивом.

Алиса почувствовала, как внутри что-то насторожилось.

— Какая?

Марк опустил взгляд на папку.

— Денис Орлов оставил письмо. Оно не вошло в материалы расследования.

— Где оно сейчас?

— Я не знаю.

— Вы его видели?

Он поднял глаза.

— Да.

— Когда?

— За два дня до его смерти.

Алиса медленно вернулась к столу.

— И почему вы не сказали об этом сразу?

— Потому что не уверен, что письмо было предназначено для меня.

— Кому оно было предназначено?

Марк выдержал паузу.

— Вам.

На секунду Алиса перестала слышать дождь за окном.

Она смотрела на мужчину напротив и пыталась понять, не ослышалась ли.

— Что вы сказали?

— На письме было ваше имя.

— Мы не были знакомы с Денисом Орловым.

— Я знаю.

— Я никогда не работала с вашим бюро.

— Я знаю.

— Тогда откуда у него могло быть моё имя?

Марк не ответил.

Алиса медленно села обратно.

Впервые с начала встречи она почувствовала не профессиональный интерес и не привычную настороженность.

Страх.

Не за свою репутацию. Не за карьеру. И даже не за то, что её могли втянуть в чужую игру.

Она боялась, что существует часть её собственной жизни, о которой она ничего не знает.

И Марк Волков, человек, которому она ещё час назад не собиралась доверять даже простую фразу, оказался единственным, кто мог объяснить, почему её имя появилось в письме погибшего инженера.

— Вы понимаете, что теперь я не могу просто уйти? — спросила она.

— Да.

— И всё равно не собираетесь рассказать мне больше?

— Я расскажу всё, что знаю.

— Когда?

Марк посмотрел ей прямо в глаза.

— Когда буду уверен, что это правда.

Алиса медленно закрыла блокнот.

Она пришла в бюро, чтобы разобраться в чужом кризисе.

Но теперь у неё появилось ощущение, что кризис начался задолго до того, как она узнала о существовании Марка Волкова.

И что-то в её собственной жизни уже давно двигалось навстречу этой встрече.

Глава 3. Письмо, которого не должно было быть

Алиса не любила, когда люди делали паузы после важных слов.

Обычно это означало одно из двух: либо человек наслаждался произведённым эффектом, либо надеялся, что собеседник сам придумает объяснение и тем самым избавит его от необходимости говорить правду.

Марк Волков не выглядел человеком, который наслаждается эффектами.

Но и объяснять происходящее он явно не торопился.

— Давайте ещё раз, — сказала Алиса. — Денис Орлов оставил письмо. На нём было моё имя. Вы видели это письмо за два дня до его смерти. Правильно?

— Да.

— И всё это время вы почему-то не пытались меня найти?

— Я пытался.

Алиса замолчала.

Марк открыл ноутбук, несколько секунд что-то искал, затем повернул экран к ней.

На нём была фотография конверта.

Обычный белый конверт без обратного адреса. На лицевой стороне — её фамилия и имя, написанные чёрной руч-

кой. Почерк был неровным, с характерным наклоном вправо.

Алисе Ветровой. Лично.

Она не сразу поняла, что перестала дышать.

— Откуда у вас фотография?

— Я сделал её в день, когда Денис показал мне письмо.

— Почему не забрали конверт?

— Потому что он не отдал его мне.

— Вы попросили?

— Да.

— И что он ответил?

Марк отвёл взгляд.

— Сказал, что если со мной что-нибудь случится, письмо должно попасть к вам.

Алиса почувствовала холод в пальцах.

— Если с вами что-нибудь случится?

— Да.

— Почему он решил, что с вами что-то случится?

— Я не знаю.

— Вы не знаете или не хотите рассказывать?

— Алиса, я не знаю.

Впервые за всё утро в его голосе появилось раздражение. Не на неё — скорее, на саму ситуацию. Он провёл ладонью по лицу и поднялся.

— Я понимаю, как это звучит. Если бы кто-то рассказал мне подобное несколько лет назад, я бы тоже решил, что ме-

ня пытаются втянуть в чужую историю.

— Вы и пытаетесь втянуть меня в чужую историю.

— Возможно.

Ответ застал её врасплох.

— Вы могли бы хотя бы попытаться убедить меня в обратном.

— Не вижу смысла.

— Почему?

Марк остановился у окна.

— Потому что я не знаю, какую роль вы играете в этой истории. И пока не выясню, не могу просить вас о доверии.

Алиса медленно откинулась на спинку кресла.

Вот теперь он сказал нечто действительно интересное.

Не «я не знаю, кто вы».

Не «я не уверен, что могу вам доверять».

Он сказал, что не знает, какую роль она играет.

Будто предполагал, что роль у неё уже есть.

— Вы думаете, я каким-то образом связана с гибелью Дениса?

— Нет.

— Тогда с чем?

Марк повернулся к ней.

— С тем, что произошло до неё.

Алиса несколько секунд смотрела на него, пытаясь определить, насколько серьёзно он говорит.

— Я работаю с репутационными кризисами, Марк. Я не

детектив. И уж точно не собираюсь становиться участницей расследования, о котором мне ничего не известно.

— Тогда не становитесь.

— Прекрасно.

Она закрыла сумку, встала и направилась к двери.

На этот раз Марк не попытался её остановить.

И это почему-то разозлило её сильнее, чем если бы он схватил её за руку или начал убеждать остаться.

Она уже взялась за дверную ручку, когда он произнёс:

— Денис был уверен, что вы знаете человека по имени Андрей Ланской.

Алиса застыла.

Имя прозвучало тихо, почти буднично.

Но в ту же секунду она перестала замечать кабинет, дождь за окном и мужчину, который стоял позади неё.

Андрей Ланской.

Она не слышала этого имени двенадцать лет.

И не собиралась слышать снова.

— Кто вам это сказал? — спросила она.

Собственный голос показался ей чужим.

— Денис.

— Когда?

— За два дня до смерти.

Алиса медленно повернулась.

— Что именно он сказал?

— Что, если письмо не дойдёт до вас, нужно найти способ

передать вам имя Андрея Ланского. И ни при каких обстоятельствах не позволять людям из городского департамента забрать оригиналы документов.

В кабинете стало очень тихо.

Алиса смотрела на Марка, но видела уже не его.

Она видела длинный коридор старой больницы. Свет под потолком, запах антисептика, пластиковый стаканчик с водой на подоконнике. И мужчину в сером пальто, который стоял перед ней и говорил, что иногда правда может причинить больше вреда, чем ложь.

Тогда ей было двадцать два.

Она верила, что любую несправедливость можно исправить, если достаточно настойчиво задавать вопросы.

Андрей Ланской научил её, что это не всегда так.

— Алиса?

Она моргнула.

Марк стоял перед ней. Не приближаясь, не пытаясь коснуться её, но внимательно следя за выражением её лица.

— Вы знаете его, — сказал он.

Это был не вопрос.

Алиса заставила себя выпрямиться.

— Я знала его много лет назад.

— Кто он?

— Человек, с которым я больше не имею ничего общего.

— Это не объясняет, почему Денис оставил вам письмо.

— Возможно, Денис ошибся.

— Возможно.

Его спокойствие раздражало. Алиса хотела, чтобы он начал задавать вопросы, на которые она могла бы ответить резко и окончательно. Хотела, чтобы он проявил хоть какое-то любопытство, дал ей возможность обвинить его в бесцеремонности и закончить разговор на собственных условиях.

Но Марк просто ждал.

— Мне нужны копии всех документов, — сказала она. — И контакты людей, работавших на объекте.

— Хорошо.

— Ещё мне нужен полный список тех, кто имел доступ к архиву после завершения расследования.

— Кирилл подготовит.

— И если у вас есть хоть какая-то информация о письме, которую вы пока не сообщили, лучше сделать это сейчас.

— Другой информации нет.

Алиса кивнула.

Она не верила ему полностью.

Но впервые с начала встречи была уверена, что он действительно старается говорить правду.

Не всю.

Однако ту часть, которую считал возможным произнести.

Это было опаснее прямой лжи.

Потому что прямую ложь можно обнаружить.

А правда, разделённая на части, способна удерживать человека рядом годами.

В лифте Алиса достала телефон.

Пальцы слегка дрожали, и она разозлилась на себя за эту слабость.

Она не вспоминала Андрея Ланского двенадцать лет. Не потому, что забыла его, а потому, что однажды решила: некоторые двери лучше не открывать, даже если за ними остались вопросы без ответов.

Тогда ей казалось, что это решение сделает её свободной.

Она ошиблась.

На первом этаже двери лифта разошлись. Алиса вышла в холл, прошла мимо стойки администратора и остановилась перед стеклянной входной дверью.

Дождь продолжался.

Она могла уехать домой. Могла написать Кириллу, что отказывается от сотрудничества. Могла сделать вид, что имя, произнесённое Марком, ничего для неё не значит.

Вместо этого она открыла контакты.

Нашла номер, которого не касалась много лет.

Посмотрела на него.

И удалила.

Не номер.

Сообщение, которое успела набрать.

«Андрей, нам нужно поговорить».

Она убрала телефон в сумку и вышла на улицу.

В кабинете Марка Волкова Кирилл Романов появился через пять минут после её ухода.

— Ну? — спросил он.

Марк стоял у окна и смотрел на мокрую улицу.

— Она согласилась.

— Я вижу.

— Она узнала имя.

Кирилл остановился.

— Ланского?

— Да.

— И что сказала?

— Что знала его много лет назад.

Кирилл медленно выдохнул.

— Ты понимаешь, что теперь всё стало гораздо сложнее?

— Оно никогда не было простым.

— Марк, если Алиса Ветрова действительно связана с Ланским, нам нужно проверить её прошлое.

Марк повернулся.

— Нет.

— Ты даже не дослушал.

— Я прекрасно тебя услышал.

— Мы не можем позволить человеку, о котором ничего не знаем, получить доступ ко всем материалам.

— Ты сам говорил, что она лучшая в своей области.

— Я говорил, что она умеет работать с кризисами. Я не говорил, что ей можно доверять.

— Ей и не нужно мне доверять. Ей нужно установить факты.

Кирилл покачал головой.

— Ты совершаешь одну и ту же ошибку.

— Какую?

— Решил, что если будешь достаточно долго держать всё под контролем, то сможешь исправить последствия.

Марк ничего не ответил.

— Денис тоже думал, что успеет, — продолжил Кирилл. — Он пытался собрать документы, поговорить с людьми, найти подтверждение своим подозрениям. И мы знаем, чем всё закончилось.

— Не сравнивай меня с Денисом.

— Почему? Потому что он был прав?

Марк резко подошёл к столу.

— Потому что ты не знаешь, что произошло.

— А ты знаешь?

Вопрос повис между ними.

Кирилл первым отвёл взгляд.

— Я не пытаюсь тебя обвинить, — сказал он уже тише. — Я пытаюсь не дать тебе снова совершить ошибку.

— Тогда помоги мне найти письмо.

— Я уже проверил старые архивы.

— Проверь ещё раз.

— Марк…

— Кирилл.

В его голосе не было угрозы. Но Кирилл знал этот тон.

Когда Марк произносил его имя именно так, спор был за-

кончен.

— Хорошо, — сказал он. — Я проверю.

Он направился к двери, но перед выходом остановился.

— И ещё. Сегодня утром звонил человек из городского департамента.

Марк медленно поднял голову.

— Кто?

— Не представился. Сказал, что хочет обсудить новый проект.

— Какой именно?

— Тот, который мы должны открыть через шесть недель.

Марк молчал.

— Он просил передать, что у нас ещё есть возможность всё исправить, — добавил Кирилл.

— И что ты ответил?

— Что все вопросы нужно направлять официально.

— Хорошо.

Кирилл вышел.

Марк остался один.

Он посмотрел на фотографию конверта, открытую на экране ноутбука.

Алисе Ветровой.

Двенадцать лет назад он впервые услышал это имя от Дениса Орлова.

И с того момента надеялся, что однажды сможет забыть о нём.

Теперь Алиса Ветрова сидела в его кабинете, смотрела ему в глаза и задавала вопросы, от которых он не мог отмахнуться.

Он должен был рассказать ей больше.

Но не сейчас.

Потому что существовал один факт, о котором не знал даже Кирилл.

За несколько часов до гибели Денис позвонил Марку и произнёс всего одну фразу:

«Если она появится, не позволяй ей узнать, что случилось с её отцом».

Марк тогда решил, что Денис говорит о чём-то другом.

Теперь он больше не был в этом уверен.

А если Денис имел в виду именно то, о чём Марк подумал, встреча с Алисой могла разрушить не только его собственную жизнь.

Она могла разрушить единственную версию прошлого, в которую Алиса Ветрова всё ещё верила.

И он не знал, что окажется страшнее: правда, которую она обнаружит, или то, что произойдёт, когда она поймёт, как долго он её скрывал.

Глава 4. Человек за стеклом

К одиннадцати утра Алиса Ветрова успела трижды пожалеть, что согласилась на эту работу.

Первый раз — когда открыла папку с материалами, присланную Кириллом Романовым. Вместо полного архива она получила сорок семь файлов, девять из которых оказались копиями документов с разными датами сохранения.

Второй — когда обнаружила, что ссылки на два технических заключения ведут на сервер, доступ к которому давно закрыт.

Третий — когда попыталась проверить имя Андрея Ланского в старых публикациях и поняла, что часть материалов исчезла не из поисковой выдачи, а, судя по всему, из открытых архивов целиком.

Это уже не было похоже на обычную неразбериху.

Алиса сидела за столом в небольшой переговорной комнате архитектурного бюро. За стеклянной стеной двигалась жизнь компании: сотрудники переходили от столов к макетам, обсуждали чертежи, спорили над мониторами. Никто не обращал на неё внимания.

И всё же у неё было странное ощущение, будто она находится не внутри здания, а по другую сторону витрины.

Словно её пригласили посмотреть на тщательно собранную картину чужой жизни, заранее решив, какие детали ей

разрешено увидеть.

Она открыла таблицу и записала три даты.

Первая — дата предупреждения Дениса Орлова.

Вторая — дата подписания документа Марком Волковым.

Третья — дата, когда оригинал предупреждения в последний раз зарегистрировали в архиве.

Между второй и третьей датами прошло девять часов.

Алиса проверила ещё раз.

Девять часов.

Документ, который мог повлиять на решение о продолжении работ, появился в архиве только после того, как Марк подписал распоряжение.

Это ещё ничего не доказывало. Документы могли регистрировать с задержкой, сотрудники могли забыть поставить отметку, а система могла работать с ошибками.

Но тогда возникал другой вопрос: на основании чего Марк принимал решение?

Она открыла копию распоряжения.

Подпись была его.

Алиса уже знала, что он не станет отрицать очевидное. Она слышала, как он признавал собственную ошибку, не пытаясь прикрыться чужими именами.

Но признать ошибку и рассказать всё — разные вещи.

Она выделила файл и добавила комментарий:

«Установить, когда документ фактически поступил к руководителю. Проверить журнал регистрации и историю из-

менений».

Затем открыла следующий файл.

Это была переписка между техническим надзором и подрядчиком. Большая часть сообщений выглядела совершенно обычно: уточнения по срокам, просьбы прислать обновлённые чертежи, согласование времени проверок.

Но в самом конце находилось короткое сообщение, отправленное вечером накануне трагедии.

«Не передавайте это в общий архив. Обсудим лично».

Имя отправителя отсутствовало.

Не было и подписи, по которой можно было бы установить адресата.

Алиса увеличила строку.

Сообщение сохранилось в виде фрагмента, вырезанного из более длинной переписки. Кто-то либо экспортировал его неправильно, либо намеренно убрал всё, что могло объяснить смысл.

Она сделала скриншот и отправила Кириллу запрос на оригинал.

Ответ пришёл почти сразу.

«Проверю. Возможно, сохранилась резервная копия».

Алиса отложила телефон.

Возможно.

Это слово начинало раздражать её сильнее, чем дождь.

Она поднялась, чтобы налить воды, и случайно посмотрела сквозь стеклянную перегородку в соседнее помещение.

Марк стоял у большого макета здания.

На нём была та же тёмная рубашка, что и утром, но рукава теперь были закатаны выше локтей. Он разговаривал с двумя сотрудниками, указывая на участок макета, где внутренний двор соединялся с основным корпусом.

Один из архитекторов что-то возражал, показывая на экран планшета.

Марк выслушал его, забрал планшет и несколько секунд изучал изображение. Затем указал на другую часть чертежа.

Спор продолжался.

Ни один из них не выглядел испуганным или вынужденным соглашаться с руководителем. Сотрудник снова возразил, и Марк вернул ему планшет.

Алиса невольно задержалась у стекла.

Она ожидала увидеть человека, который после публичной катастрофы окружил себя теми, кто не решался ему противоречить. Но здесь никто не пытался угадать его настроение. Люди спорили с ним открыто, и он позволял им это делать.

Впрочем, возможно, так было не всегда.

Человек мог измениться.

Или научиться создавать впечатление перемен.

— Он всегда так работает.

Алиса обернулась.

В дверях стояла женщина лет тридцати пяти с короткими русыми волосами и планшетом под мышкой.

— Простите?

— Марк. — Женщина кивнула в сторону макета. — Может спорить полчаса из-за десяти сантиметров, а потом сам предложит решение, которое никто не заметил.

— Вы давно здесь работаете?

— Восемь лет.

— Значит, знали его до той истории.

Улыбка женщины исчезла.

— Знала.

— Я Алиса.

— Я знаю. Ольга Демина, ведущий архитектор.

Они пожали руки.

— Можно задать вам несколько вопросов? — спросила Алиса.

— Если это не о документах по старому делу.

— Почему?

Ольга чуть заметно напряглась.

— Потому что я не участвовала в расследовании и не хочу давать комментарии о том, чего не знаю.

— Я пока ничего не спрашивала о расследовании.

— Но собирались.

Алиса внимательно посмотрела на неё.

— Вы боитесь Марка?

Ольга удивлённо рассмеялась.

— Нет. А вы?

— Я пока не решила, стоит ли его опасаться.

— Тогда вы ещё плохо его знаете.

— Именно это я и пытаюсь исправить.

Ольга перевела взгляд на кабинет за стеклом.

— Марк не самый простой человек. Он может быть резким, иногда слишком долго помнит ошибки. И если считает, что кто-то нарушил правила, разговор обычно заканчивается быстро.

— Но вы остались работать с ним.

— Да.

— Почему?

Ольга помолчала.

— Потому что он не всегда поступает правильно, но я никогда не видела, чтобы он требовал от других того, на что сам не готов пойти.

Она поправила планшет под мышкой.

— Только не путайте это с добротой. Марк не добрый человек, Алиса. По крайней мере, не в том смысле, в каком обычно используют это слово.

— А в каком?

— Он может помочь вам, когда все остальные отвернутся. А потом принять решение, которое разрушит вашу жизнь, потому что сочтёт его необходимым.

Алиса вспомнила его спокойный голос, когда он говорил о погибшем инженере.

«Я не проверил, что она завершена».

Ни оправданий, ни попытки уменьшить собственную ответственность.

— Похоже, вы ему доверяете, — заметила она.

— Я доверяю ему в работе.

— Это не одно и то же?

— Совсем не одно и то же.

Ольга посмотрела на неё с неожиданным сочувствием.

— Если он пригласил вас заниматься этим делом, значит, у него закончились другие варианты.

— Или ему нужна именно я.

— Возможно.

— Вы знаете, почему?

— Нет.

Но ответ прозвучал слишком быстро.

Алиса ничего не сказала.

Ольга выдержала её взгляд, затем первой отвела глаза.

— Простите, мне нужно вернуться к работе.

Она ушла, оставив Алису с новым вопросом.

Теперь Алиса была уверена, что сотрудники бюро знают больше, чем готовы рассказывать.

Но это не означало, что они участвуют в сокрытии правды. Иногда молчание было способом защитить коллегу. Иногда — попыткой сохранить работу. А иногда человек просто боялся снова оказаться рядом с трагедией, которую однажды уже пережил.

Алиса знала, что нельзя торопиться с выводами.

Но она также знала: если все вокруг считают тему опасной, значит, где-то есть причина, по которой её предпочита-

ют не обсуждать.

В половине первого Кирилл принёс ей ещё одну папку.

— Нашёл в резервной копии, — сказал он. — Не уверен, что это всё, но переписка сохранилась целиком.

Алиса открыла папку.

— Кто имел доступ к резервной копии?

— Несколько человек из технического отдела. Но это старая система, часть журналов не сохранилась.

— Конечно.

Кирилл посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего. Просто удивительно, сколько важных вещей в этой истории исчезло совершенно случайно.

— Я понимаю, как это выглядит.

— А как это выглядит для вас?

Он не ответил сразу.

— Как работа, которую кто-то не закончил.

— Или не хотел заканчивать.

Кирилл поджал губы.

— Алиса, я не прошу вас верить мне на слово. Но не делайте выводов, пока не увидите оригиналы.

— Я и не делаю. Я пытаюсь их найти.

Она вынула документы и разложила их по столу.

Первое письмо было отправлено подрядчиком за четыре дня до трагедии. В нём обсуждалась задержка проверки одного из несущих узлов. Второе — ответ технического надзо-

ра, где указывалось, что продолжение работ на этом участке без повторной проверки нежелательно.

Третье письмо было отправлено вечером того же дня.

«Вопрос решён. Дополнительные замечания не требуются».

Подписи не было.

Но в заголовке сохранился адрес отправителя.

Алиса проверила его по списку сотрудников.

Адрес принадлежал человеку, который в тот период занимал должность заместителя руководителя городского департамента строительства.

Андрей Ланской.

Она перечитала письмо.

Затем открыла следующее.

Это был ответ, отправленный через одиннадцать минут.

«Подтвердите, что прежняя версия больше не используется».

И ещё одна строка:

«Все материалы должны соответствовать окончательному решению».

Алиса почувствовала, как внутри поднимается холодная волна.

Она знала Андрея достаточно хорошо, чтобы понимать: он никогда не писал ничего, что можно было бы однозначно истолковать против него.

Он не приказывал уничтожать документы.

Не требовал скрывать нарушения.

Не угрожал.

Он использовал слова, которые позволяли каждому участнику разговора услышать то, что тот хотел услышать.

Именно поэтому с ним было так трудно спорить.

— Кто ещё видел эту переписку? — спросила Алиса.

Кирилл заглянул в документы.

— Не знаю. Она не входила в официальный архив.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда откуда она взялась в резервной копии?

Кирилл нахмурился.

— Возможно, кто-то сохранил её отдельно.

— Кто?

— Алиса, я не знаю.

Она подняла на него глаза.

— Вы часто произносите эту фразу.

— Потому что это правда.

Он не выглядел обиженным. Скорее, уставшим.

Алиса на секунду почувствовала неловкость. Она понимала, что Кирилл не обязан знать всё. Он мог оказаться таким же человеком, как остальные сотрудники бюро, — участником событий, который видел лишь небольшую часть общей картины.

Но времени на осторожность становилось всё меньше.

— Мне нужен контакт человека, который отвечал за архив

в тот период.

— Я подготовлю список.

— Сегодня.

— Хорошо.

Кирилл уже собирался уходить, когда Алиса спросила:

— Почему Марк решил построить новое общественное здание именно сейчас?

Он остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Прошло двенадцать лет после трагедии. Его имя всё ещё вызывает споры. Он мог работать за границей, заниматься частными проектами, вообще уйти из публичной сферы. Но он взялся за большой городской объект, который неизбежно привлечёт внимание.

— Потому что хотел закончить то, что начал.

— Это официальный ответ?

— Нет. Это то, что он говорил мне лично.

— А вы ему верите?

Кирилл посмотрел на макет за стеклом.

— Я верю, что он хочет построить это здание.

— Но не уверены, зачем.

— Я уверен, что причины у него есть.

— Какие?

Кирилл покачал головой.

— Это вам лучше спросить у него самого.

Он ушёл.

Алиса вернулась к переписке.

Через несколько минут она обнаружила ещё одну странность.

В цепочке писем, датированной за день до трагедии, отсутствовало сообщение, на которое ссылались сразу два последующих ответа. Номер сообщения был указан, тема совпадала, но самого текста не было ни в архиве, ни в резервной копии.

Кто-то удалил его до создания резервной копии.

Или скрыл от тех, кто имел к ней доступ.

Алиса записала номер сообщения.

Потом открыла журнал изменений.

Последняя операция с этим файлом была выполнена спустя восемь лет после трагедии.

Не в период расследования.

Не во время передачи документов.

Восемь лет спустя.

Кто-то вернулся к старому архиву и изменил его.

Она посмотрела на дату.

И вдруг поняла, что изменение произошло всего через два дня после того, как Андрей Ланской ушёл с государственной службы.

Алиса закрыла глаза.

В памяти всплыл разговор, который она старалась не вспоминать.

Андрей сидел напротив неё в маленьком кафе возле боль-

ницы. Перед ним стояла чашка остывшего кофе. Он слушал её, не перебивая, пока она рассказывала о документах, которые, по её мнению, могли доказать, что одна из проверок была проведена с нарушениями.

Когда она закончила, он долго молчал.

Потом спросил:

— Алиса, ты действительно хочешь знать, как всё устроено?

— Да.

— Тогда тебе нужно понять одну вещь. Правда не всегда находится в документах. Иногда она находится в том, кто решает, какие документы останутся.

Тогда она решила, что он просто пытается её запугать.

Через неделю она перестала отвечать на его звонки.

Через месяц уехала из города.

А ещё через год узнала, что Андрей Ланской получил повышение.

Теперь его имя снова появилось в документах, связанных с гибелью человека.

И письмо Дениса Орлова было адресовано ей.

Алиса открыла телефон и набрала сообщение Кириллу:

«Мне нужно увидеть Марка. Сейчас».

Ответ пришёл через минуту.

«Он в переговорной. Поднимайтесь».

Марк стоял у макета один.

Он снял пиджак и бросил его на спинку кресла. Рядом

лежали несколько листов с чертежами, на одном из которых красным карандашом были отмечены изменения.

Алиса остановилась в дверях.

— Вы знали, что в архиве есть переписка с Андреем Ланским?

Марк медленно поднял голову.

— Нет.

Она вошла и положила перед ним распечатки.

— Его имя есть в цепочке писем за день до трагедии. И ещё одно сообщение было удалено спустя восемь лет.

Марк прочитал документы.

Его лицо почти не изменилось, но Алиса заметила, как он сильнее сжал край бумаги.

— Откуда вы это взяли?

— Из резервной копии.

— Кирилл нашёл?

— Да.

Марк перечитал письмо.

— Этого не было в материалах, которые я видел.

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда у нас проблема.

Он поднял на неё глаза.

— У нас?

Алиса не сразу поняла, что именно его зацепило.

— Мы работаем над одним делом, Марк. Пока это озна-

чает, что у нас общая проблема.

— Вы уже называете её общей.

— Не придавайте этому значения.

Он едва заметно улыбнулся.

Алиса разозлилась на себя за то, что заметила.

— Кто такой Андрей Ланской? — спросил Марк.

— Бывший чиновник. В период трагедии он работал в городском департаменте строительства.

— Я знаю, кто он по должности. Я спрашиваю, кем он был для вас.

Алиса замерла.

Вот он, вопрос, которого она ждала и одновременно боялась.

Она могла ответить, что они были знакомы. Это было правдой. Могла сказать, что давно не общалась с ним. Это тоже было правдой.

Но ни один из этих ответов не объяснял, почему она так резко отреагировала на его имя.

— Мы пересекались по одному старому проекту, — сказала она.

Марк внимательно посмотрел на неё.

— И всё?

— Для нашего дела этого достаточно.

Он не стал спорить.

И почему-то это заставило её почувствовать себя виноватой.

— Марк, я не скрываю от вас информацию, которая имеет отношение к расследованию.

— Я не утверждал обратного.

— Но подумали.

— Я думаю многое. Не всё произношу вслух.

— Удобная привычка.

— Иногда она спасает от лишних проблем.

— А иногда создаёт новые.

Он кивнул, будто согласился с замечанием.

Алиса посмотрела на макет здания.

— Почему вы так настаиваете на этом проекте?

Марк проследил за её взглядом.

— Потому что он важен.

— Для города?

— Да.

— Для вас?

Он не ответил сразу.

— Тоже.

— Вы могли выбрать любой другой проект. Частный комплекс, жилой дом, коммерческое здание. Что угодно, где никто не стал бы вспоминать прошлое.

— Мог.

— Но выбрали именно общественный центр.

Марк провёл пальцами по краю макета.

— Денис хотел, чтобы это место стало доступным для людей. Не очередным зданием, которое построят ради краси-

вой фотографии и закроют через несколько лет. Он говорил, что архитектура должна работать на тех, кто не может позволить себе выбирать, где жить, учиться или получать помощь.

Алиса молчала.

— Я не строю этот центр ради него, — продолжил Марк. — И не пытаюсь доказать, что он был прав во всём. Но я знаю, что он хотел сделать. И не собираюсь отказываться от этого только потому, что люди решили, будто моё имя навсегда должно остаться рядом с его смертью.

В его голосе не было пафоса.

Только усталость.

Алиса впервые увидела в нём не человека, которого нужно оправдать или разоблачить, а мужчину, который годами жил с решением, о котором, вероятно, жалел каждый день.

Это не делало его невиновным.

Но делало его сложнее, чем она ожидала.

— Я хочу поговорить с бывшим руководителем архива, — сказала она. — И с человеком, который отвечал за электронную переписку.

— Я организую встречи.

— Без предупреждения о том, какие вопросы я собираюсь задавать.

— Хорошо.

— И ещё. Если вы вспомните что-то, что может иметь отношение к Андрею Ланскому, вы сообщите мне.

Марк посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось.

— Обязательно.

Алиса не была уверена, что верит ему.

Но в этот раз не стала спорить.

Она собрала документы и направилась к выходу.

У двери Марк окликнул её:

— Алиса.

Она обернулась.

— Да?

— Вы сказали, что давно не общались с Ланским.

— Так и есть.

— Когда вы разговаривали с ним в последний раз?

Она почувствовала, как напряглись плечи.

— Двенадцать лет назад.

Марк медленно кивнул.

— Тогда вам стоит знать одну вещь.

Алиса не двигалась.

— Что?

Он посмотрел на документы, которые она держала в руках.

— Андрей Ланской ушёл с государственной службы четыре года назад. Но за неделю до этого он приходил ко мне.

Алиса почувствовала, как земля будто слегка качнулась под ногами.

— Зачем?

— Он хотел узнать, сохранились ли у меня оригиналы документов по делу Дениса.

— И что вы ответили?

— Что не знаю.

— Это правда?

Марк выдержал её взгляд.

— Тогда — да.

Алиса не сразу поняла, что именно изменилось в его ответе.

Тогда.

Не сейчас.

Она медленно опустила документы.

— А теперь?

Марк посмотрел на неё так, словно уже несколько дней знал, что этот вопрос однажды прозвучит.

— Теперь я думаю, что у меня есть один документ, который никогда не должен был попасть в архив.

— Какой?

Он помолчал.

— Письмо Дениса.

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Вы сказали, что не знаете, где оно.

— Я не знаю, где оригинал.

— А копия?

Марк не ответил.

Этого оказалось достаточно.

Она сделала шаг к нему.

— Где копия, Марк?

Он смотрел на неё, и впервые за всё время между ними не осталось ни профессиональной дистанции, ни удобных формулировок.

Только вопрос, который мог изменить всё.

— У меня дома, — сказал он.

Алиса медленно выдохнула.

— Вы держали её у себя всё это время?

— Да.

— Почему не показали мне утром?

— Потому что в письме есть ещё одно имя.

— Какое?

Марк отвёл взгляд.

И в этот момент Алиса поняла: он не просто скрывал от неё часть правды.

Он боялся того, что она сделает, когда узнает её целиком.

— Чьё имя, Марк?

Он снова посмотрел на неё.

— Вашего отца.

Глава 5. Чужое имя

— Вашего отца.

Алиса смотрела на Марка и ждала, что он добавит что-нибудь ещё. Объяснит, что оговорился. Скажет, что речь идёт о другом человеке с такой же фамилией. Наконец, просто признается, что решил проверить её реакцию.

Но Марк молчал.

— Повторите, — попросила она.

— В письме Дениса упоминается ваш отец.

— Я прекрасно слышала, что вы сказали.

— Тогда зачем просите повторить?

— Потому что хочу понять, насколько далеко вы готовы зайти в этой истории, прежде чем признаетесь, что ничего не знаете.

Марк не отвёл взгляда.

— Я знаю, что Денис написал письмо. Знаю, что он собирался передать его вам. И знаю, что в тексте упоминается ваш отец. Всё остальное пока предположения.

— Как звали моего отца?

Вопрос прозвучал резко.

Марк нахмурился.

— Я не знаю.

— Тогда откуда вы знаете, что речь именно о нём?

— Денис назвал его по имени и фамилии.

— И?

— И попросил меня не передавать письмо никому, кроме вас.

Алиса почувствовала, как раздражение уступает место чему-то более тяжёлому.

Её отец умер, когда ей было двадцать лет. По крайней мере, именно так она привыкла говорить. Он погиб в автомобильной аварии на загородной дороге, поздним осенним вечером, когда возвращался из командировки. Мать тогда почти не разговаривала с ней несколько недель. Родственники приезжали, приносили еду, произносили правильные слова и советовали держаться.

Алиса держалась.

Она закончила университет, нашла работу, переехала в другой город и постепенно научилась жить так, чтобы воспоминания не мешали ей просыпаться по утрам.

Она никогда не считала, что знает об отце всё. Взрослые люди редко рассказывают детям полную историю своей жизни. Но ей не приходило в голову, что его имя может оказаться в письме погибшего инженера, с которым она никогда не встречалась.

— Как его звали? — спросила она.

Марк назвал имя.

Алиса медленно опустила глаза.

Имя было правильным.

Не приблизительным. Не похожим. Не тем, которое мож-

но было случайно перепутать.

Она почувствовала, как пальцы сжались вокруг папки.

— Покажите письмо.

— Хорошо.

— Сейчас.

— Оно у меня дома.

— Тогда поедем туда.

Марк посмотрел на часы.

— Мне нужно закончить встречу с инвесторами.

Алиса коротко рассмеялась.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Вы только что сообщили мне, что у вас есть письмо, связывающее моего погибшего отца с человеком, умершим при обстоятельствах, которые вы до сих пор не можете объяснить. И после этого собираетесь обсуждать сроки строительства?

— Если я не проведу встречу, инвесторы могут приостановить финансирование проекта.

— Мне совершенно безразлично ваше финансирование.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете.

Она положила папку на стол.

— Вы не имеете права решать за меня, когда я должна узнать правду о собственной семье.

Марк несколько секунд молчал.

Потом достал телефон, написал короткое сообщение и убрал его обратно в карман.

— Встреча перенесена.

Алиса не ожидала, что он согласится так быстро.

— Почему?

— Потому что вы правы.

Он произнёс это без раздражения, словно признавал очевидный факт.

— Я не хочу, чтобы вы делали что-либо из-за чувства вины, — добавил Марк. — Но если письмо касается вашего отца, вы должны его увидеть.

— Тогда поехали.

— Есть одно условие.

Алиса медленно подняла голову.

— Какое ещё условие?

— Вы не будете делать выводы, пока не прочитаете письмо целиком.

— Не вам указывать мне, какие выводы делать.

— Я не указываю. Я прошу.

Она смотрела на него несколько секунд.

— Хорошо.

Марк взял со стола ключи.

— Тогда поехали.

Они вышли из здания через боковой вход.

Дождь прекратился, но воздух оставался холодным. Над улицей висело низкое серое небо, а на тротуарах блестели

лужи. Алиса шла рядом с Марком, стараясь не думать о том, как близко он оказался к ней в узком проходе между припаркованными машинами.

Он открыл тёмный автомобиль и подождал, пока она сядет.

В салоне пахло кожей, кофе и чем-то едва уловимым, древесным. На центральной консоли лежали очки, несколько чеков и сложенный вчетверо лист бумаги.

Марк заметил, куда она смотрит, и убрал лист в бардачок.

— Вы всегда так много работаете? — спросила Алиса, пристёгиваясь.

— Что именно?

— Переносите офис в машину.

— Иногда.

— А отдыхаете когда?

Он повернул ключ зажигания.

— Когда заканчивается работа.

— То есть никогда.

— Вы тоже не похожи на человека, который умеет отдыхать.

Алиса отвернулась к окну.

— Мы сейчас обсуждаем мою привычку работать или письмо моего отца?

— Письмо.

— Тогда не отвлекайтесь.

Марк усмехнулся, но спорить не стал.

Они выехали на улицу. Несколько минут ехали молча, пока Алиса пыталась восстановить последовательность событий.

Денис Орлов знал её отца.

Или, по крайней мере, знал о его существовании.

Он оставил письмо, адресованное Алисе, и перед смертью попросил Марка передать его лично. Почему-то он был уверен, что письмо нельзя отдавать никому другому.

Что мог связывать её отца с архитектурным бюро?

Алиса перебрала в памяти всё, что знала о его работе. Он занимался техническим сопровождением строительных проектов, много ездил по командировкам, иногда возвращался домой поздно ночью и почти никогда не рассказывал подробностей.

Когда она была подростком, отец однажды объяснил ей, что в строительстве опаснее всего не плохие материалы и не ошибки в расчётах.

Опаснее всего люди, которые убеждают себя, что небольшое нарушение ничего не изменит.

Тогда она не придала словам значения.

Теперь они прозвучали в памяти почти дословно.

— Ваш отец работал в строительстве? — спросил Марк.

Алиса повернулась к нему.

— Откуда вы знаете?

— Вы посмотрели на меня так, будто вспомнили что-то важное.

— Это не ответ.

— Я пытаюсь понять, что вы знаете.

— Мой отец был инженером. Работал с технической документацией, участвовал в проверках объектов. Но это было давно.

Марк сильнее сжал руль.

— Как давно?

— До своей смерти.

— Алиса, я спрашиваю, когда он умер.

Она назвала год.

Марк не ответил.

Но она увидела, как изменилось его лицо.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Не надо.

— Чего?

— Этого вашего спокойного выражения, когда вы уже что-то поняли, но решаете, стоит ли говорить.

Марк посмотрел на дорогу.

— Ваш отец умер за два года до трагедии на объекте Дениса.

— Да.

— И вы уверены, что это была авария?

Алиса почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Что вы хотите сказать?

— Пока ничего.

— Вы задали вопрос.

— Потому что хочу понять, проверяли ли вы обстоятельства его смерти.

— Разумеется, проверяли. Была авария. Следствие установило причину. Я видела документы.

— Вы видели оригиналы?

Она не ответила.

Марк продолжил вести машину, не пытаясь заполнить паузу.

Алиса вспомнила похороны. Вспомнила, как мать сидела на кухне, уставившись в одну точку. Как дядя забрал документы, связанные с аварией, и сказал, что ей не нужно этим заниматься. Как она сама тогда согласилась, потому что не могла вынести ещё одного разговора о смерти.

Она была молодой.

Она доверяла взрослым.

И она никогда не возвращалась к этому вопросу.

— Я видела заключение, — наконец сказала она.

— Чьё?

— Не помню.

— Алиса…

— Я сказала, что не помню!

Она произнесла это громче, чем собиралась.

Марк замолчал.

Несколько секунд они ехали под шум шин по мокрому асфальту.

Потом он тихо сказал:

— Простите.

Алиса отвернулась к окну.

Она ненавидела, когда люди проявляли к ней сочувствие в тот момент, когда она сама ещё не решила, что чувствует.

Особенно если эти люди были почти незнакомыми мужчинами, которые появлялись в её жизни с чужими тайнами и вопросами, на которые она не просила отвечать.

— Не нужно меня жалеть, — сказала она.

— Я вас не жалею.

— Тогда что?

Марк помолчал.

— Я знаю, каково это — обнаружить, что люди, которым ты доверял, могли рассказывать тебе не всю правду.

Алиса повернулась к нему.

Впервые за утро он заговорил не как руководитель, не как человек, защищающий собственную репутацию, и не как подозреваемый, который выбирает слова.

Он заговорил как человек, который уже прошёл через что-то подобное.

И не сумел оставить это позади.

Квартира Марка находилась на последнем этаже современного жилого комплекса с видом на реку.

В прихожей было чисто, но не стерильно. На стене висела большая фотография старого городского квартала, на консоли лежали ключи и часы. В глубине квартиры виднелась

просторная гостиная с панорамными окнами и книжными полками.

Алиса сняла пальто.

— Вы живёте один?

— Да.

— Давно?

Марк посмотрел на неё.

— Это имеет отношение к письму?

— Нет. Просто спросила.

— Тогда давно.

Она не стала уточнять.

Марк прошёл в кабинет, открыл нижний ящик письменного стола и достал плоскую папку без надписей.

Несколько секунд держал её в руках, словно проверял, действительно ли готов открыть.

Затем положил на стол.

— Вот.

Алиса подошла ближе.

Папка выглядела совершенно обычной. На ней не было ни печатей, ни подписей, ни следов официальной регистрации. Только тонкая царапина на уголке.

— Вы хранили письмо здесь всё это время?

— Да.

— Почему?

— Потому что не знал, кому ещё можно его доверить.

— Вы могли передать его следователям.

— Мог.

— Но не передали.

— Нет.

Алиса подняла глаза.

— Значит, вы тоже скрывали доказательство.

Марк не стал спорить.

— Возможно.

— Вы понимаете, что это может изменить всё?

— Да.

— И всё равно хранили его у себя?

— Да.

Она почувствовала раздражение.

— Вы хоть иногда объясняете свои решения?

— Когда понимаю, как их объяснить.

— Очень удобно.

— Нет, Алиса. Не удобно. Просто иногда человек принимает решение, которое считает правильным в тот момент, а потом годами не знает, как его исправить.

Она замолчала.

Марк открыл папку.

Внутри лежал старый конверт, пожелтевший по краям. На лицевой стороне было написано её имя.

Алиса узнала почерк сразу.

Не потому, что часто видела его раньше. А потому, что однажды уже держала в руках письмо, написанное тем же человеком.

Четырнадцать лет назад.

Андрей Ланской.

Она медленно протянула руку, но остановилась, не коснувшись конверта.

— Почему почерк такой же?

Марк посмотрел на неё.

— Какой?

— Как в старом письме, которое я получила после смерти отца.

Впервые за всё время он выглядел по-настоящему удивлённым.

— Вы получали письмо от Ланского?

Алиса медленно кивнула.

— Через несколько месяцев после смерти отца. Он написал, что мне не стоит пытаться разобраться в обстоятельствах аварии. Что это ничего не изменит.

— И вы послушались?

— Нет. Я пыталась выяснить правду. Но документы были недоступны, люди отказывались разговаривать, а мать просила меня остановиться.

— Почему?

— Она говорила, что отец не хотел бы, чтобы я разрушала свою жизнь из-за того, что уже невозможно изменить.

Марк опустил взгляд на конверт.

— А потом?

— Потом я уехала. Начала работать. Постепенно переста-

ла задавать вопросы.

— До сегодняшнего дня.

— До сегодняшнего дня.

Алиса взяла конверт.

Он был закрыт, но клапан уже когда-то вскрывали и аккуратно заклеили обратно.

— Вы читали письмо?

— Да.

— Полностью?

— Да.

— Тогда почему не рассказали мне содержание?

Марк посмотрел на неё.

— Потому что не был уверен, что письмо настоящее.

Алиса нахмурилась.

— Что это значит?

— Денис передал мне его за два дня до смерти. Я прочитал, но не сразу понял, почему оно должно было попасть именно к вам. Потом случилась трагедия, началось расследование, а через несколько недель в бюро пришёл человек, который представился сотрудником городского департамента.

— Андрей Ланской?

— Нет. Другой человек.

— Что он хотел?

— Забрать документы, связанные с проверкой объекта.

— И вы отдали их?

— Часть.

Алиса смотрела на него, не веря услышанному.

— Вы отдали документы человеку, которого даже не знали?

— Он предъявил удостоверение и официальный запрос. Тогда я считал, что поступаю правильно.

— А письмо?

— Я оставил его у себя.

— Почему?

Марк провёл ладонью по лицу.

— Потому что в письме было указано, что его нельзя передавать представителям департамента.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается холод.

— Кто это написал?

— Денис.

— Значит, он знал, что они придут?

— Похоже на то.

— И вы ничего не сообщили следствию?

— Я пытался выяснить, кто именно приходил и на каком основании забрал документы. Но человек исчез. В департаменте заявили, что никто с таким именем к нам не направлялся.

Алиса медленно села.

На столе лежало письмо, которое могло изменить всё, что она знала об отце. Марк рассказывал историю, в которой исчезали документы, неизвестные люди получали доступ к

архивам, а погибший инженер заранее предупреждал о возможной опасности.

И всё это время она считала, что её отец погиб в обычной автомобильной аварии.

— Почему вы не нашли меня раньше? — спросила она.

— Я пытался.

— Как?

— Через открытые контакты. Через общих знакомых. Но ваша фамилия встречалась часто, а прежние адреса уже не работали. Потом я решил, что письмо может быть частью чьей-то попытки втянуть вас в историю, к которой вы не имеете отношения.

— А теперь?

Марк посмотрел на неё.

— Теперь я думаю, что вы имеете к ней самое прямое отношение.

Алиса закрыла глаза.

Она хотела открыть конверт немедленно.

Но боялась.

Не того, что там окажется обвинение. Не того, что кто-то пытался обмануть её или использовать имя отца.

Она боялась, что письмо подтвердит то, что она никогда не решалась произнести вслух: возможно, в тот день она потеряла не только отца.

Возможно, она потеряла и право знать, кем он был на самом деле.

Она вскрыла конверт.

Внутри лежали два листа бумаги.

Первый был заполнен рукописным текстом. Второй содержал несколько имён, дат и короткую запись внизу страницы.

Алиса начала читать.

«Алиса, если ты держишь это письмо в руках, значит, я не смог передать тебе всё лично.

Я не знаю, что тебе рассказывали о твоём отце. Но знаю, что его имя не должно было исчезнуть из документов.

Он не был участником той сделки, о которой тебе могут рассказать. Он пытался остановить её.

Если ты захочешь узнать правду, найди человека, который подписал последнее заключение. Он знает, почему твой отец оказался на той дороге.

Не доверяй копиям. И не верь тем, кто скажет, что оригиналы никогда не существовали».

Алиса перечитала последние строки.

Потом посмотрела на второй лист.

Внизу стояла подпись.

Денис Орлов.

Рядом — дата, за два дня до его смерти.

А над подписью было написано имя человека, который подписал последнее заключение.

Не Андрей Ланской.

Не Марк Волков.

Имя, которое Алиса видела впервые.

Она подняла глаза.

— Кто это?

Марк прочитал строку.

И впервые за всё утро потерял самообладание.

Он резко выпрямился, отодвинул стул и несколько секунд смотрел на лист так, словно тот мог исчезнуть.

— Нет, — произнёс он.

— Вы знаете этого человека?

Марк не ответил.

— Марк, вы знаете его?

Он поднял на неё глаза.

— Да.

— Кто он?

Марк медленно выдохнул.

— Человек, который официально признал объект безопасным за день до гибели Дениса.

Алиса посмотрела на подпись ещё раз.

— Но вы сказали, что проверка не была завершена.

— Она не была завершена.

— Тогда почему он подписал заключение?

Марк покачал головой.

— Я не знаю.

— Вы работали с ним?

— Да.

— И доверяли ему?

Марк не ответил сразу.

— Больше, чем следовало.

Алиса положила письмо на стол.

Теперь у неё было больше вопросов, чем ответов. Но впервые за много лет она знала, что искать.

Человека, который подписал последнее заключение.

Человека, который знал, почему её отец оказался на той дороге.

И человека, который, возможно, до сих пор был уверен, что прошлое останется похороненным вместе с теми, кто погиб.

Она посмотрела на Марка.

— Вы поможете мне его найти?

Он встретил её взгляд.

— Да.

— Даже если это разрушит ваше бюро?

— Да.

— Даже если выяснится, что вы сами были частью того, что произошло?

Марк долго молчал.

Потом ответил:

— Особенно тогда.

Алиса не знала, верит ли ему.

Но впервые за долгое время почувствовала, что больше не одна в поисках правды.

И именно это пугало её сильнее всего.

Потому что доверие было не наградой за правильные от-

веты.

Иногда оно становилось самым опасным решением из всех возможных.

Глава 6. Последнее заключение

Утром Алиса поняла, что совершила ошибку.

Не потому, что согласилась работать с Марком Волковым. Не потому, что теперь в её руках оказалось письмо мёртвого человека, способное разрушить репутацию одного из самых известных архитектурных бюро города.

Ошибка заключалась в другом.

Она начала ему верить.

Не полностью. Не настолько, чтобы перестать проверять каждое его слово. Но достаточно, чтобы вчера вечером, стоя у окна его квартиры, на несколько секунд забыть, что перед ней человек, который двенадцать лет назад подписал документы, после которых погиб инженер.

Марк не пытался оправдаться. Это было хуже любых оправданий.

Он просто смотрел на неё и ждал, когда она сама решит, что делать с правдой.

Алиса не любила, когда ей оставляли право выбора. Обычно это означало, что кто-то другой уже предусмотрел последствия.

Она поставила на стол две чашки кофе, раскрыла ноутбук и ещё раз посмотрела на фотографию второй страницы письма Дениса Орлова.

Имя человека, подписавшего заключение, было написано

неразборчиво. Не настолько, чтобы нельзя было прочесть, но достаточно, чтобы возникло сомнение.

Виктор Аркадьевич Серов.

Алиса ввела имя в поисковую строку.

Первым появился профиль мужчины в деловом костюме. Шестьдесят один год. Бывший руководитель отдела строительного надзора городской администрации. После ухода с государственной службы — консультант нескольких девелоперских компаний. В последние два года публичных выступлений почти не давал.

Вторым результатом оказалась статья пятилетней давности о реформе системы строительного контроля. Серов на фотографии стоял рядом с чиновниками, улыбался и говорил о необходимости прозрачности.

Алиса задержала взгляд на его лице.

— Ты ведь не похож на человека, который подписывает смертные приговоры, — произнесла она.

— Большинство таких людей и не похожи.

Она резко обернулась.

Марк стоял в дверях её кабинета с бумажным пакетом в руке. На нём были тёмные брюки и чёрная рубашка с закатанными рукавами. Он выглядел так, будто не спал всю ночь, но это ничуть не мешало ему оставаться раздражающе привлекательным.

Алиса мысленно выругалась.

Красивые мужчины всегда казались ей особенно опасны-

ми. Не потому, что она считала их неглубокими. Просто люди слишком часто принимали внешность за доказательство характера.

Марк поставил пакет рядом с клавиатурой.

— Завтрак.

— Я не заказывала.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Ты вчера не ела.

— Ты следил за тем, что я ем?

— Ты дважды отодвинула тарелку и выпила три чашки кофе. Даже человек, который не умеет читать людей, заметил бы это.

— А ты умеешь?

— Иногда мне кажется, что слишком хорошо.

Он достал из пакета два круассана и небольшую коробку с ягодами.

Алиса посмотрела на еду, потом на него.

— Ты всегда так делаешь?

— Как?

— Приходишь к человеку с завтраком, когда ему нужно задать неудобные вопросы?

— Нет. Обычно я сначала задаю неудобные вопросы.

— А потом приносишь завтрак?

— Обычно после неудобных вопросов меня просят уйти.

Она невольно улыбнулась.

Марк заметил. Конечно, заметил.

И, к её раздражению, не стал улыбаться в ответ. Просто посмотрел на неё так, словно эта короткая улыбка сообщила ему что-то важное.

Алиса тут же закрыла ноутбук.

— Садись. У нас проблема.

— Только одна?

— Пока одна. Мы знаем имя человека, подписавшего заключение, но не знаем, где он сейчас и почему его подпись оказалась в письме Дениса.

Марк сел напротив.

— Серов ушёл из администрации через два дня после того, как подписал документы об окончании проверки.

— Ты говорил, что Ланской приходил к тебе перед уходом со службы. Серов тоже мог быть связан с ним?

— Мог. Но доказательств у меня нет.

— А догадки?

— Есть.

— Поделишься?

Марк помолчал.

— Серов был человеком, который умел делать проблемы невидимыми. Не решать их. Именно делать невидимыми. Если объект не проходил проверку, в документах появлялась другая формулировка. Если подрядчик нарушал условия, менялся порядок согласования. Если кто-то задавал слишком много вопросов, его переводили на другой уча-

сток.

— И ты продолжал работать с ним?

— Я работал с бюро, которое должно было строить здания. Мы получали разрешения, сдавали проекты, подписывали акты. Я не проверял каждый документ, который проходил через городскую систему. Это не оправдание. Это факт.

— Удобный факт.

— Очень.

Он не отвёл взгляд.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что не знал? Я знал, что Серов способен на грязные вещи. Я не знал, что он может быть связан со смертью Дениса и твоего отца.

Алиса почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Не говори о моём отце так, будто уже знаешь, что с ним произошло.

— Я не знаю.

— Тогда не делай выводов.

— Хорошо.

Он ответил так быстро, что она не успела подготовиться к спору.

Алиса отвела глаза.

— Нам нужен оригинал заключения.

— Если он сохранился.

— Денис написал: не верить тем, кто говорит, что оригиналов никогда не существовало. Значит, он видел оригинал или знал, где он находится.

— Возможно, у него была копия.

— Тогда зачем отдельно предупреждать о копиях?

Марк провёл пальцем по краю чашки.

— Потому что в тот год некоторые документы перепечатывали. Не сканировали, не копировали. Создавали заново. С тем же текстом, но с другими датами, подписями и приложениями.

Алиса медленно подняла голову.

— Ты видел такие документы?

— Один раз. В другом проекте. Я не доказал, что это подделка, и не стал поднимать вопрос.

— Почему?

— Потому что не хотел останавливать строительство.

В комнате стало тихо.

Марк произнёс это без попытки смягчить признание. Алиса почти физически ощутила, как он снова отказывается от удобного оправдания.

— Ты понимаешь, что это может уничтожить твою карьеру? — спросила она.

— Да.

— И твоё бюро?

— Да.

— Тогда почему говоришь мне всё это?

Он посмотрел на неё.

— Потому что ты всё равно узнаешь. И если я начну выбирать, какую правду тебе показывать, ты перестанешь мне

доверять.

— А ты хочешь, чтобы я тебе доверяла?

На этот раз он не ответил сразу.

— Да.

Простое слово прозвучало неожиданно серьёзно.

Алиса почувствовала, что должна отвести разговор в сторону. Она умела работать с чужими эмоциями, превращать хаос в план, превращать скандал в последовательность решений. Но сейчас ей было трудно отделить профессиональный интерес к Марку от чего-то другого.

И это злило.

— Серов, — сказала она, снова открывая ноутбук. — Начнём с него.

К десяти утра они нашли два адреса.

Первый принадлежал Сергею Викторовичу, сыну бывшего чиновника, и оказался обычной квартирой в новом жилом комплексе. Второй значился в корпоративном реестре как офис консультационной компании, закрытой почти год назад.

Ни один из адресов не выглядел перспективным.

— У него есть дача, — сказал Марк, глядя на экран телефона.

— Откуда ты знаешь?

— Когда-то мы ездили туда на встречу с подрядчиком. За городом, в районе старого санатория. Серов называл это домом, где можно разговаривать без свидетелей.

— Очень удобно.

— Для него — да.

— Адрес?

Марк продиктовал улицу и номер участка.

Алиса записала.

— Поедем туда.

— Ты уверена?

— Нет. Но если бы я ждала, пока буду уверена, я бы до сих пор работала в отделе коммуникаций крупной компании и писала заявления о том, что произошедшее не соответствует нашим ценностям.

— Ты ушла оттуда из-за скандала?

Она подняла на него глаза.

— Ты задаёшь слишком много вопросов о моей жизни.

— Я стараюсь понять, кому доверяю.

— Это моя фраза.

— Хорошая фраза.

— Не присваивай её.

— Постараюсь.

Он поднялся, собираясь уходить, но Алиса остановила его:

— Марк.

Он обернулся.

— Ты ведь понимаешь, что я не буду защищать тебя, если выяснится, что ты знал больше, чем рассказал?

— Понимаю.

— Даже если это разрушит твоё бюро.

— Особенно если это разрушит моё бюро.

Она внимательно смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается расчёт и начинается правда.

— Ты странный человек, Волков.

— Мне говорили.

— И тебя это не беспокоит?

— Только когда это говорит женщина, мнение которой мне небезразлично.

Алиса замерла.

Он произнёс это спокойно, без улыбки, словно речь шла о погоде. А потом взял телефон и направился к двери.

— В полдень выезжаем, — бросил он. — Я пришлю тебе адрес.

Когда дверь закрылась, Алиса ещё несколько секунд смотрела на пустой проём.

Потом открыла ноутбук и записала в рабочий файл:

Серов. Проверить адреса, связи с Ланским, документы по объекту. Не доверять Волкову.

Она перечитала последнюю строку.

И добавила:

Не путать недоверие с желанием, чтобы он оказался честным.

Дорога за город заняла почти час.

Небо затянули низкие облака. По обочинам тянулись мокрые деревья, редкие кафе и закрытые дачные посёлки. Марк

вёл машину молча, изредка отвечая на звонки. Алиса просматривала старые публикации о Серове и пыталась восстановить хронологию событий.

В документах по реконструкции фигурировали три даты.

Первая — предварительная проверка, которая выявила нарушения.

Вторая — повторный осмотр, проведённый через девять дней.

Третья — заключение о безопасности объекта, подписанное Серовым накануне трагедии.

Проблема была в том, что между второй и третьей датами не нашлось ни одного документа, подтверждающего устранение нарушений.

Ни одного акта подрядчика. Ни одного отчёта инженера. Ни одной фотографии повторного осмотра.

Словно объект просто стал безопасным по чьему-то решению.

— Здесь, — сказала Алиса, показывая экран.

Марк мельком посмотрел.

— Я говорил тебе. Проверка не была завершена.

— Тогда почему ты подписал итоговые документы?

— Потому что Серов заверил меня, что технические замечания закрыты.

— На словах?

— По телефону и через служебную переписку.

— Переписка сохранилась?

— Не знаю.

— Ты не знаешь или не проверял?

Он крепче сжал руль.

— Не проверял.

Алиса закрыла ноутбук.

— Ты когда-нибудь задумывался, сколько людей погибает из-за того, что кто-то не хочет показаться неудобным?

— Каждый день.

— И что ты с этим делаешь?

— Раньше ничего.

Она повернулась к нему.

— А теперь?

— Теперь я пытаюсь выяснить, кто именно сделал так, чтобы Денис не смог закончить свою работу.

Это прозвучало почти как обещание.

Алиса отвернулась к окну. Она не хотела, чтобы он видел её лицо.

Её отец погиб на обычной загородной дороге. Официально — потерял управление на мокром покрытии. Машина вылетела с трассы и перевернулась. Никаких свидетелей, никаких следов другого автомобиля. Алисе тогда было двадцать, и она помнила не столько похороны, сколько тишину после них. Как мать перестала включать новости. Как отец исчез из разговоров, будто его можно было сохранить в памяти, только если никогда не произносить его имя.

Через несколько месяцев Алиса нашла в старом ящике от-

цовского стола папку с чертежами и копиями строительных документов. Она не поняла тогда, что они означают. Потом папка пропала.

Мать сказала, что выбросила её при переезде.

Алиса поверила.

Теперь ей впервые пришло в голову, что мать могла солгать.

— Ты знала, что твой отец работал с городскими проектами? — спросил Марк.

Она повернулась так резко, что ремень безопасности натянулся.

— Кто тебе это сказал?

— Денис. В письме он упомянул, что твой отец пытался остановить сделку.

— Это не ответ.

— Я не знаю, чем именно занимался твой отец. Я только слышал его имя от Дениса.

— И ты решил, что можешь сообщить мне об этом, когда мы уже оказались в машине, за городом, направляясь к человеку, который, возможно, причастен к его смерти?

— Я не хотел, чтобы ты узнала это из чужих уст.

— Ты хотел выбрать момент сам.

Марк замолчал.

И этим ответил на вопрос.

— Больше так не делай, — сказала Алиса.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она отвернулась и больше не произнесла ни слова до самого посёлка.

Дом Серова стоял в глубине участка, за высоким металлическим забором. Двухэтажный, облицованный тёмным кирпичом, с широкими окнами и ухоженным садом. На воротах висела камера наблюдения.

На почтовом ящике значилась фамилия.

Серов.

— Он здесь, — сказал Марк.

— Откуда знаешь?

— Машина во дворе. И свет на втором этаже.

— Ты всегда так уверенно делаешь выводы?

— Нет. Иногда я ошибаюсь.

— Хорошо. Хоть что-то человеческое.

Марк остановил машину у ворот и вышел. Алиса последовала за ним, застегнув пальто.

Камера над воротами повернулась в их сторону.

Через несколько секунд из динамика раздался мужской голос:

— Кто?

— Марк Волков. Мне нужно поговорить с Виктором Аркадьевичем.

— Он не принимает.

— Скажите, что я приехал по поводу заключения от че-

тырнадцатого октября.

Наступила пауза.

Алиса посмотрела на Марка.

Он не произнёс ни слова, но по тому, как напряглись его плечи, она поняла: дата была выбрана не случайно.

Динамик снова ожил.

— Подождите.

В воротах щёлкнул замок.

Они вошли во двор.

Дверь дома открыл сам Серов.

Он оказался ниже, чем Алиса ожидала, но держался прямо. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, лицо — гладко выбрито, на нём не было ни удивления, ни приветливости. Только усталое раздражение человека, которому давно надоели чужие проблемы.

— Волков, — произнёс он. — Не думал, что увижу тебя снова.

— Я тоже.

Серов перевёл взгляд на Алису.

— А это кто?

— Алиса Ветрова. Она работает со мной.

— Надеюсь, не над тем, о чём я думаю.

— А о чём вы думаете? — спросила Алиса.

Серов чуть улыбнулся.

— О том, что молодые люди часто принимают старые истории за возможность сделать себе карьеру.

— А пожилые люди часто принимают чужую память за собственность, — ответила она.

Улыбка исчезла.

Марк едва заметно повернул голову к Алисе. Она не посмотрела на него.

— Проходите, — сказал Серов. — Раз уж вы приехали.

Внутри пахло деревом, кофе и чем-то аптечным. На стенах висели фотографии с официальных мероприятий. Серов на фоне зданий, Серов рядом с чиновниками, Серов за столом переговоров.

В кабинете стоял массивный письменный стол. За ним — шкаф с папками, на полках — книги по строительному законодательству. Всё выглядело аккуратно, почти демонстративно.

Серов указал на кресла.

— Говорите.

Марк не сел.

— Мы хотим увидеть оригинал заключения по реконструкции на улице Лесной. Документ от четырнадцатого октября.

Серов посмотрел на него без выражения.

— Не понимаю, о чём ты.

— Вы подписали его за день до гибели Дениса Орлова.

— Я подписывал сотни документов.

— В этом заключении сказано, что нарушения устранены. Но повторная проверка не проводилась.

— Значит, ты плохо знаешь порядок согласования.

— Я знаю, что на объекте оставались незакрытые замечания.

— Тогда почему подписал документы сам?

Вопрос прозвучал мягко, почти дружелюбно.

Марк не ответил.

Алиса заметила, как Серов чуть подался вперёд. Он почувствовал преимущество и собирался его использовать.

— Вы ведь были руководителем отдела, — сказала она. — Если нарушения не устранили, вы должны были знать об этом.

Серов перевёл взгляд на неё.

— Девушка, я не обязан объяснять вам работу государственных учреждений.

— Тогда объясните Марку. Он подписывал документы, основываясь на ваших заверениях.

— Марк взрослый человек. Если он доверял мне больше, чем собственным инженерам, это его проблема.

— Вы сейчас утверждаете, что сознательно ввели его в заблуждение?

— Я ничего не утверждаю.

— А отрицаете?

Серов посмотрел на неё долгим взглядом.

— Кто вы такая, Алиса Ветрова?

— Я уже представилась.

— Нет. Вы назвали имя. Я спрашиваю, почему вам инте-

ресен этот объект.

Алиса почувствовала, как напряжение в комнате стало почти осязаемым.

Она могла соврать. Сказать, что работает над репутационным кризисом бюро, что ей нужны факты, что она пытается установить последовательность событий.

Но Серов уже знал больше, чем хотел показать.

— Потому что Денис Орлов оставил письмо, в котором упомянул моего отца.

Впервые за всё время выражение лица Серова изменилось.

Совсем немного.

Но Алиса увидела.

Он побледнел, затем быстро отвёл взгляд к окну.

— Ваш отец давно умер.

— Да.

— Сочувствую.

— Вы его знали?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Марк сделал шаг вперёд.

— Виктор Аркадьевич, нам известно, что отец Алисы пытался остановить сделку, связанную с этим объектом.

Серов медленно повернулся к нему.

— Кто вам это сказал?

— Денис.

— Орлов был не в своём уме последние месяцы.

— Он был инженером, который обнаружил нарушения.

— Он был человеком, который не понимал, как устроен мир.

Алиса почувствовала, как в ней поднимается холодная злость.

— А вы понимали?

Серов посмотрел на неё.

— Лучше, чем вы можете себе представить.

— Тогда объясните, почему мой отец погиб на дороге через три месяца после того, как попытался остановить эту сделку.

Марк резко повернулся к ней.

Она не собиралась рассказывать Серову всё, что знала. Но вопрос уже прозвучал, и забрать его обратно было невозможно.

В комнате стало тихо.

Серов поднялся из-за стола.

— Вам пора уходить.

— Мы ещё не закончили.

— Закончили.

— Где оригинал заключения? — спросил Марк.

— Не знаю.

— Вы его подписали.

— Я подписывал много документов. Прошло двенадцать лет.

— Вы помните дату, — сказала Алиса. — Вы помните, кто был на объекте. Вы помните, что произошло. Вы просто не хотите говорить.

Серов подошёл к двери кабинета и открыл её.

— Я дал вам достаточно времени. Уходите.

Марк не двинулся.

— Если оригинал существует, его найдут.

— Возможно.

— Если он доказывает, что проверка не проводилась, это будет иметь последствия.

— Для кого? — тихо спросил Серов. — Для меня? Для тебя? Или для той, кто до сих пор не знает, что именно сделал её отец?

Алиса почувствовала, как кровь отлила от лица.

Марк шагнул к Серову.

— Не смейте.

— Что именно? Говорить правду?

— Вы не знаете, что с ней произошло.

Серов усмехнулся.

— А ты знаешь, Волков?

Марк застыл.

И в этот момент Алиса поняла: Серов не просто узнал её отца. Он знал, что Марк скрывает от неё часть истории.

Возможно, больше, чем сам Марк хотел признать.

— Мы уходим, — сказала Алиса.

Марк повернулся к ней.

— Алиса…

— Сейчас.

Она прошла мимо Серова, не глядя на него. Марк задержался на секунду, словно хотел сказать что-то ещё, но затем последовал за ней.

Когда они вышли на улицу, Алиса не остановилась у машины. Она дошла до калитки и только там обернулась.

— Что он имел в виду?

— Я не знаю.

— Не лги мне.

— Я не лгу.

— Он спросил, знаешь ли ты, что сделал мой отец. И ты замолчал.

Марк провёл ладонью по лицу.

— Я не знаю, что сделал твой отец. Но, судя по письму Дениса, он пытался остановить сделку, которая была связана с реконструкцией.

— Какую сделку?

— Не знаю.

— Что ещё ты не знаешь, Марк?

Он посмотрел на неё.

В его лице не было привычной уверенности. Только усталость и что-то похожее на страх — не за себя, а за то, что ещё предстояло открыть.

— Слишком многое.

Алиса кивнула.

— Тогда начни с того, что знаешь.

— Не здесь.

— Почему?

Он посмотрел на камеру над воротами.

— Потому что Серов не отпустил бы нас так легко, если бы не хотел, чтобы мы ушли.

Алиса проследила за его взглядом.

Камера по-прежнему смотрела на них.

— Ты думаешь, он нас проверяет?

— Я думаю, он уже кому-то сообщил, что мы приезжали.

Марк открыл машину.

Алиса села, но не пристегнулась.

— В следующий раз, когда ты решишь скрыть от меня что-то важное, вспомни сегодняшний разговор.

— Я вспомню.

— И не думай, что я останусь рядом только потому, что между нами…

Она замолчала.

Марк медленно повернулся к ней.

— Что между нами?

Алиса почувствовала, как собственные слова обернулись против неё.

— Ничего.

— Хорошо, — тихо сказал он.

Он завёл двигатель.

Но прежде чем выехать со двора, добавил:

— Только не убеждай себя, что ничего не происходит, если это не так.

Алиса отвернулась к окну.

Она ненавидела его за то, что он произнёс вслух именно то, о чём она старалась не думать.

И ещё сильнее ненавидела себя за то, что хотела услышать эти слова снова.

Они проехали несколько километров в молчании.

Первой заговорила Алиса.

— Нам нужно проверить архив администрации и реестр подрядчиков. Если заключение создавали повторно, должны остаться следы: регистрационный номер, журнал входящих документов, кто-то, кто его оформлял.

— В администрации могли заменить журнал.

— Тогда найдём копию у подрядчика.

— Компания закрылась.

— Компании закрываются. Люди остаются.

Марк посмотрел на неё.

— Ты всегда так работаешь?

— Как?

— Когда тебе страшно, ты составляешь список задач.

Алиса медленно повернулась.

— Мне не страшно.

— Конечно.

— Не смей анализировать меня.

— Хорошо.

— И перестань говорить «хорошо», когда явно не согласен.

Он впервые за утро рассмеялся. Коротко, почти беззвучно.

— Ты хочешь, чтобы я спорил?

— Я хочу, чтобы ты не пытался управлять разговором так, будто всё ещё сидишь в своём кабинете.

— Принято.

Она покачала головой.

— Невыносимый человек.

— Ты уже говорила.

— И, похоже, недостаточно часто.

Телефон Марка завибрировал.

Он взглянул на экран и нахмурился.

— Кто? — спросила Алиса.

— Кирилл.

— Ответь.

Марк включил громкую связь.

— Да.

— Марк, ты где? — голос Кирилла звучал напряжённо. — У нас проблема. В сеть выложили часть заключения по Лесной. Скан с подписью Серова и твоей визой.

Алиса выпрямилась.

— Когда?

— Десять минут назад. Сначала появился пост в небольшом канале, потом его подхватили два новостных ресурса.

Заголовок такой: «Волков знал о нарушениях и скрыл результаты проверки».

— Документ настоящий? — спросил Марк.

— Не знаю. На первый взгляд выглядит как тот самый акт.

— Пришли файл.

— Уже отправил. Но это ещё не всё.

— Что ещё?

Кирилл замолчал на секунду.

— Там есть приложение. Список людей, которые участвовали в согласовании. Среди них фамилия отца Алисы.

В машине стало тихо.

Алиса медленно повернулась к Марку.

Он не смотрел на неё. Его взгляд был прикован к дороге, а пальцы с такой силой сжимали руль, что побелели костяшки.

— Кирилл, — произнёс он, — никому больше не звони. Не отвечай журналистам. Сохрани все версии публикации и выясни, кто первым выложил документ.

— Уже занимаюсь.

— И ещё. Проверь, кто скачивал старые файлы из нашего архива за последние две недели.

— Марк…

— Кирилл, сделай это.

Он отключился.

Алиса достала телефон. Сообщение уже пришло. В нём был прикреплён скан документа.

Она открыла файл.

Вверху стоял регистрационный номер. Ниже — дата. Затем подписи и список участников согласования.

Она нашла фамилию отца.

Александр Ветров.

Рядом стояла пометка: «Технический консультант».

Алиса перестала дышать.

Её отец никогда не работал в городской администрации. Он был инженером, иногда участвовал в независимых экспертизах, но в документах по этому объекту его имени быть не должно было.

Внизу страницы стояла ещё одна подпись.

Виктор Аркадьевич Серов.

А под ней — дата, которая не совпадала с датой, указанной в официальном реестре.

Алиса приблизила изображение.

На полях документа виднелась короткая рукописная пометка. Словно её оставили перед тем, как отсканировать лист.

Она разобрала только два слова:

«Не отдавать оригинал».

Алиса подняла глаза.

— Марк.

Он остановил машину у обочины.

— Я вижу.

— Это не просто утечка. Кто-то хочет, чтобы мы нашли этот документ.

— Или хочет, чтобы мы поверили, что нашли именно тот документ.

Она посмотрела на скан снова.

— Ты думаешь, он поддельный?

— Я думаю, что слишком многое в нём совпадает с тем, что мы только что обсуждали.

— А фамилия моего отца?

Марк не ответил.

— Посмотри на меня, — сказала она.

Он повернулся.

— Ты знал, что он был указан в документах?

— Нет.

Она всматривалась в его лицо, пытаясь уловить хоть малейшую попытку уйти от ответа.

— Я хочу тебе верить, — произнесла она. — Но если ты сейчас что-то скрываешь…

— Я не знаю, почему имя твоего отца оказалось в этом документе. Клянусь.

Алиса не любила клятв. Люди произносили их обычно тогда, когда обычных слов уже не хватало.

Но сейчас Марк не пытался убедить её. Он просто смотрел на неё, и в его глазах была та же тревога, которую она чувствовала сама.

Телефон завибрировал снова.

На этот раз сообщение пришло с неизвестного номера. Без подписи, без приветствия, без объяснений.

Только фотография.

Старая папка с документами лежала на столе, рядом с металлической линейкой и пожелтевшей схемой здания. На верхнем листе Алиса узнала почерк отца.

Снимок был сделан недавно. Бумага не успела выцвести, края папки выглядели нетронутыми.

Под фотографией было написано:

«Ваш отец не погиб из-за аварии. Если хотите узнать, что произошло на самом деле, перестаньте искать Серова».

Алиса перечитала сообщение.

Потом ещё раз.

— Что там? — спросил Марк.

Она протянула ему телефон.

Он прочитал и побледнел.

— Это ловушка, — сказал он.

— Возможно.

— Нас пытаются увести в сторону.

— Или предупреждают.

— Алиса, если твой отец действительно был связан с этим делом, человек, который отправил сообщение, знает, что мы нашли письмо Дениса.

Она забрала телефон.

— Значит, он знает, что мы ищем.

— И знает, где мы были сегодня.

Алиса посмотрела в зеркало заднего вида.

По дороге позади них медленно двигался тёмный внедо-

рожник. Он появился ещё у посёлка Серова и теперь держался на одинаковом расстоянии.

Марк тоже заметил его.

— Пристегнись, — сказал он.

— Марк…

— Пожалуйста.

Впервые за всё время в его голосе не было ни приказа, ни уверенности. Только напряжённая просьба.

Алиса пристегнулась.

Марк включил поворотник и вернулся на дорогу.

Внедорожник последовал за ними.

И тогда Алиса поняла: дело уже не в репутации Марка Волкова, не в старом заключении и даже не в смерти Дениса Орлова.

Кто-то слишком долго хранил тайну её отца.

И теперь, когда она наконец приблизилась к правде, этот человек решил дать ей понять, что знает о каждом её шаге.

Глава 7. Тот, кто едет следом

Марк не стал прибавлять скорость.

Именно это напугало Алису сильнее всего.

Она ожидала резкого манёвра, попытки оторваться от преследователя, какого-нибудь эффектного решения, которое обычно принимают люди, уверенные, что опасность можно победить одним правильным движением. Но Марк продолжал вести машину спокойно, соблюдая дистанцию до впереди идущего автомобиля и не нарушая правил.

Он смотрел на дорогу.

В зеркале заднего вида тёмный внедорожник держался позади.

— Давно он за нами? — спросила Алиса.

— Не знаю.

— Ты заметил его ещё у дома Серова?

— Да.

— И ничего не сказал?

— Я не хотел, чтобы ты начала смотреть назад каждые пять секунд.

— Поздравляю. Теперь я буду смотреть назад каждые три.

Марк бросил на неё короткий взгляд.

— Злость тебе идёт.

— А тебе идёт молчать.

— Постараюсь не мешать.

Она снова посмотрела на экран телефона.

Фотография папки отца была сделана в помещении с холодным искусственным освещением. На заднем плане виднелась часть металлического стеллажа. Никаких окон, часов или других деталей, по которым можно было определить место.

Но Алиса знала эту папку.

Тёмно-синяя обложка, стёртый угол, тонкая белая полоска вдоль корешка. Отец пользовался ею годами. Она видела её на письменном столе, в машине, однажды даже на кухне, когда он раскладывал документы рядом с чашкой остывшего чая.

После его смерти папка исчезла.

Мать сказала, что в ней были старые рабочие материалы и ничего важного.

Алиса поверила, потому что тогда у неё не было сил проверять даже самые простые вещи.

Теперь ей казалось, что вся её жизнь состояла из чужих объяснений, которым она слишком охотно верила.

— Покажи сообщение ещё раз, — попросил Марк.

Она передала ему телефон.

— Номер скрыт, — сказала она. — Фото без геолокации. Отправитель знает моё имя и знает, что я ищу.

— И знает, как выглядела папка твоего отца.

— Это не обязательно означает, что он видел её недавно. Фотография могла храниться годами.

— Верно.

— Но ты так не думаешь.

— Я думаю, что человек, который хочет тебя предупредить, обычно старается оставить способ с ним связаться. Здесь нам дали только указание прекратить поиски.

— Значит, он хочет, чтобы мы сделали наоборот.

— Возможно.

— Ты слишком часто говоришь «возможно».

— Потому что я не хочу выдавать догадки за факты.

Алиса посмотрела на него внимательнее.

В этом была одна из причин, по которым он одновременно раздражал и притягивал её. Марк не пытался заполнить каждую паузу красивыми словами. Когда он не знал ответа, он мог признать это. Когда знал, что виноват, не всегда пытался оправдаться.

Но оставался вопрос, на который он пока не ответил.

Почему Денис доверил ему письмо?

И почему в этом письме оказалась она?

— Нам нужно остановиться в людном месте, — сказала Алиса.

— Согласен.

— И не возвращаться сейчас в твой офис.

— Тоже согласен.

— Ты подозрительно сговорчивый.

— Ты хочешь, чтобы я спорил, или чтобы мы безопасно добрались до города?

— Я хочу, чтобы ты перестал решать за меня, что мне нужно знать.

Марк крепче сжал руль.

— Я услышал тебя.

— Нет. Ты услышал слова. Это разные вещи.

Он не ответил.

Впереди показался съезд к небольшому придорожному кафе. Марк включил поворотник, свернул с трассы и припарковался у входа. Тёмный внедорожник проехал мимо, не изменив скорости.

Они оба молча смотрели ему вслед.

— Он уехал, — произнесла Алиса.

— Или хочет, чтобы мы так думали.

— Ты невыносим.

— Ты уже говорила.

— И повторю.

Марк выключил двигатель.

— Тогда пойдём внутрь. Закажем кофе, проверим сообщение и решим, что делать дальше.

— Ты всегда приглашаешь женщин на кофе после того, как за ними начинают следить?

— Нет. Обычно я выбираю места получше.

Алиса хотела ответить, но неожиданно для себя рассмеялась.

Нервно, коротко, почти беззвучно.

Марк посмотрел на неё. В его лице на мгновение появи-

лось облегчение, словно он только что убедился, что она всё ещё рядом, а не исчезла за стеной собственного страха.

Это было опаснее, чем любая попытка её успокоить.

Потому что Алисе вдруг захотелось, чтобы он продолжал смотреть на неё именно так.

В кафе пахло свежей выпечкой и мокрой одеждой. За стойкой скучала девушка с высоким хвостом, у окна сидела пожилая пара, а в дальнем углу мужчина в наушниках разговаривал по ноутбуку.

Марк выбрал столик у стены.

— Почему здесь? — спросила Алиса.

— Видно вход. И отражение в окне.

Она села напротив.

— Ты что, бывший военный?

— Нет.

— Полицейский?

— Тоже нет.

— Тогда откуда эти привычки?

— Когда занимаешься строительством, начинаешь замечать, что некоторые люди слишком внимательно следят за тем, что ты делаешь.

— Ты сейчас говоришь о Серове?

— И о нём тоже.

Алиса сняла пальто и положила телефон на стол.

— Расскажи мне про Дениса.

Марк посмотрел на неё.

— Что именно?

— Не то, что написано в документах. Не его должность и не то, как он погиб. Расскажи, каким он был человеком.

Марк долго молчал.

— Упрямым, — сказал он наконец. — Из тех, кто не умеет остановиться, даже когда все вокруг уже решили, что проще отступить.

— Вы были друзьями?

— Нет.

— Ты его не любил?

— Я его уважал.

— Это не одно и то же.

— Иногда уважать человека сложнее, чем любить.

Алиса задумалась.

— Ты знал его семью?

— Он был женат. У него была дочь. Ей тогда исполнилось девять.

— Что с ними стало?

— После его смерти жена уехала из города. Я пытался связаться с ней, но она не захотела разговаривать.

— Ты пытался?

Марк кивнул.

— Я думал, что могу помочь. Деньгами, юристами, чем угодно. Она сказала, что не хочет брать ничего у людей, которые позволили её мужу погибнуть.

Алиса медленно опустила глаза.

— Она была права.

— Да.

Он произнёс это без защиты.

— Ты не пытался объяснить ей, что не знал всей правды?

— Пытался. Но тогда я сам не знал, какой правды не знаю.

К столику подошла официантка. Они заказали два кофе и что-то поесть, хотя Алиса почти не чувствовала голода.

Когда девушка ушла, она снова посмотрела на Марка.

— Если ты действительно хочешь помочь, тебе придётся рассказать мне всё. Не только то, что удобно признавать.

— Я понимаю.

— И если в этой истории окажется, что ты участвовал в чём-то, что касается моего отца…

— Я не буду мешать тебе выяснять правду.

— Даже если она уничтожит тебя?

Марк слегка наклонил голову.

— Ты всё время спрашиваешь, готов ли я потерять бюро, репутацию, деньги. Но ты ни разу не спросила, что я уже потерял.

Алиса замолчала.

В его голосе не было обвинения. Только усталость человека, который давно привык жить с последствиями собственных решений.

— Что ты потерял? — спросила она тише.

Марк посмотрел в окно.

— Человека, которым думал, что являюсь.

Он не стал объяснять.

И Алиса впервые не попыталась вытянуть из него ответ.

Сообщение пришло через семь минут.

На этот раз номер не был скрыт.

Незнакомый абонент прислал короткий текст:

«Вы правильно сделали, что не вернулись в офис. Проверьте старый договор на реконструкцию. Приложение № 4. Имя Александра Ветрова внесли туда позже».

Алиса перечитала сообщение дважды.

— Кто это? — спросил Марк.

— Не знаю.

— Ответь.

— С чего ты решил, что я должна?

— Не должна. Но если это человек, который действительно знает документы, он может дать нам больше информации.

Алиса открыла поле ответа.

Кто вы?

Отправила.

Ответ пришёл почти сразу.

«Тот, кто слишком поздно понял, что произошло».

Она набрала:

Вы знали моего отца?

Три точки появились на экране, исчезли, затем возникли снова.

«Да».

Алиса почувствовала, как пальцы похолодели.

Что с ним произошло?

На этот раз ответа пришлось ждать дольше.

Наконец пришло сообщение:

«Он не должен был ехать на ту встречу».

Алиса подняла голову.

Марк уже читал текст через её плечо.

— Какую встречу? — спросил он.

— Не знаю.

Она быстро напечатала:

На какую встречу? Где она проходила?

Ответа не было.

Прошла минута. Потом ещё одна.

Алиса позвонила на номер.

Вызов сбросили.

Она набрала снова.

Абонент был недоступен.

— Прекрасно, — сказала она. — Призрак с телефоном.

Марк протянул руку.

— Дай посмотреть номер.

Она передала ему телефон.

Он изучил экран, затем открыл контакты и сохранил номер без имени.

— Не надо ничего удалять, — сказала Алиса. — Я хочу сохранить всю переписку.

— Я ничего не удаляю.

— И не пытайся самостоятельно выяснить, кто это.

Марк поднял брови.

— Почему?

— Потому что ты привык решать проблемы за закрытыми дверями. Я не собираюсь снова узнавать о результатах твоих расследований постфактум.

Он вернул ей телефон.

— Хорошо. Будем заниматься этим вместе.

— Ты слишком легко соглашаешься.

— Я стараюсь учиться.

Алиса посмотрела на него и вдруг поняла, что это, возможно, самое опасное из всего, что он мог ей сказать.

Потому что ей захотелось ему помочь.

В офис они вернулись только после трёх часов дня.

Кирилл встретил их у входа. Он выглядел так, будто за последние несколько часов успел поседеть.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— Говори, — ответил Марк.

Кирилл посмотрел на Алису.

— Лучше в кабинете.

— Если это касается публикации, я должна знать, — сказала она.

— Касается не только публикации.

Марк открыл дверь переговорной.

На большом экране уже был выведен скан документа, появившегося утром. Рядом лежали распечатки из старого архива бюро, выписки из реестра и несколько фотографий

строительной площадки.

Кирилл закрыл дверь.

— Я проверил журналы доступа. Файл, который выложили в сеть, не скачивали из нашего архива. Он появился в системе через внешний носитель.

— Когда? — спросил Марк.

— Четыре дня назад.

— Кто работал в офисе?

— Почти все. Но есть одна проблема. Камеры в архивной комнате отключились на двадцать три минуты.

Марк посмотрел на него.

— Кто отключил?

— По журналу — никто. Система зафиксировала технический сбой.

— Удобно, — сказала Алиса.

Кирилл кивнул.

— Именно. Я запросил резервную копию. В ней есть фрагмент записи, но изображение повреждено.

Он переключил экран.

Появилась размытая картинка: коридор, дверь архива, человек в тёмной одежде. Лица не было видно. Фигура вошла в помещение, а через несколько минут вышла с тонкой папкой.

— Можно улучшить качество? — спросила Алиса.

— Уже пытаемся. Но самое интересное не это.

Кирилл открыл другой файл.

Это был старый договор на реконструкцию. Внизу страницы стояла подпись Марка, рядом — подпись подрядчика. К договору прилагался перечень документов.

Приложения № 1, № 2, № 3.

И № 4.

Последний пункт был выделен карандашом.

«Дополнительное техническое заключение независимого эксперта А. Ветрова».

Алиса почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Этого не было в официальной версии, — сказал Марк.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Я видел первоначальный договор. Приложения № 4 в нём не было.

— Но подпись твоя.

— Да.

Она посмотрела на дату.

Договор подписали за два месяца до смерти отца.

— Ты знал, что мой отец был независимым экспертом?

— Нет.

— Ты подписал договор, к которому приложили его заключение, и ничего об этом не знал?

Марк не ответил.

Кирилл осторожно вмешался:

— Есть ещё один момент. В журнале регистрации сохранилась отметка о том, что приложение № 4 добавили уже после подписания договора. Но файл, в котором должно быть

указано, кто это сделал, отсутствует.

— Когда добавили? — спросила Алиса.

Кирилл посмотрел на экран.

— Через одиннадцать дней после гибели Александра Ветрова.

В комнате никто не двигался.

Алиса слышала собственное дыхание. Ей казалось, что она смотрит на документы не из настоящего, а из какой-то точки за пределами своей жизни, где всё уже случилось и осталось только прочитать объяснение.

Её отец погиб.

Через одиннадцать дней его имя внесли в договор, связанный с объектом, на котором позднее погиб Денис Орлов.

Кто-то использовал имя мёртвого человека.

Но зачем?

— Покажи приложение, — сказала она.

Кирилл открыл скан.

На первой странице были технические замечания, описание несущих конструкций и перечень нарушений. На второй — вывод эксперта.

Алиса прочитала текст один раз.

Потом второй.

— Здесь написано, что объект нельзя вводить в эксплуатацию до устранения замечаний.

— Да, — сказал Марк.

— А в заключении Серова написано, что замечания устра-

нены.

— Да.

— Значит, мой отец выступил против ввода объекта в эксплуатацию.

— Похоже на то.

— А потом кто-то добавил его заключение в договор уже после его смерти, чтобы создать впечатление, будто он участвовал в согласовании.

Кирилл медленно кивнул.

— Это одна из версий.

— Нет, — сказала Алиса. — Это не версия. Это последовательность событий. Но мы пока не знаем, кто и зачем это сделал.

Она снова посмотрела на документ.

Внизу второй страницы была подпись, похожая на подпись её отца.

Похожая.

Но Алиса видела его почерк слишком часто, чтобы не заметить разницу.

— Подождите.

Она увеличила изображение.

— Это не его подпись.

Марк подошёл ближе.

— Ты уверена?

— Да. Он всегда выводил первую букву фамилии с длинным нижним штрихом. Здесь подпись другая.

— Её могли скопировать с другого документа, — предположил Кирилл.

— Возможно. Но это не оригинал заключения.

Алиса повернулась к Марку.

— Теперь я понимаю, почему Денис написал, что нельзя верить копиям. Кто-то подделал документ от имени моего отца. А потом, когда Денис обнаружил это, его заставили замолчать.

— Или он погиб, потому что собирался раскрыть подделку, — сказал Марк.

— И Серов об этом знал.

Кирилл провёл рукой по волосам.

— Если это правда, последствия будут серьёзнее, чем скандал вокруг бюро. Тут речь о фальсификации официальных документов.

— Не только, — ответила Алиса. — Если мой отец не подписывал заключение, значит, кто-то сознательно использовал его имя, чтобы скрыть нарушения. А если он погиб из-за того, что пытался этому помешать…

Она не закончила.

Марк посмотрел на неё.

— Мы выясним.

Алиса покачала головой.

— Нет. Мы найдём оригинал. А потом выясним, кто его подделал.

Она взяла распечатку и сложила её пополам, чтобы убрать

в папку.

И заметила на обратной стороне слабый след от карандаша.

Кто-то писал на листе, лежавшем сверху.

Алиса наклонила бумагу к свету.

Там проступали отдельные слова.

«…встреча состоится после двадцати двух. Вход со стороны старого корпуса. Принести оригинал. Ланской подтвердит».

Она перечитала запись.

— Марк, посмотри.

Он подошёл к ней.

— Это след от другой страницы, — сказал он.

— И там упоминается Ланской.

Кирилл открыл рот, но не произнёс ни слова.

Алиса посмотрела на обоих.

— Что?

Марк медленно выдохнул.

— Старый корпус, — сказал он. — Это здание, где проходили первые согласования по реконструкции.

— Оно ещё существует?

— Да. Его закрыли несколько лет назад. Сейчас там архив строительного управления.

— Тогда мы едем туда.

— Уже вечер, — заметил Кирилл.

— В записке указано время после двадцати двух. Возмож-

но, это не просто пометка. Возможно, именно тогда должна была состояться встреча.

Марк взглянул на часы.

До десяти оставалось чуть больше шести часов.

— Мы не поедем туда втроём без подготовки, — сказал он.

— Я не собираюсь ждать, пока кто-нибудь ещё решит, что мне можно знать.

— Я не запрещаю тебе ехать. Я говорю, что мы должны подготовиться.

Алиса замолчала.

В его голосе не было приказа. Только та твёрдость, которую она уже начинала узнавать: Марк мог быть упрямым, резким и невыносимым, но, когда считал, что кто-то в опасности, переставал думать о том, как выглядит со стороны.

— Хорошо, — сказала она. — Подготовимся.

Кирилл с облегчением выдохнул.

— Я проверю, кто сейчас отвечает за архив.

— И никому не говори, что мы собираемся туда ехать, — добавил Марк.

— Даже юристам?

— Особенно юристам.

Кирилл кивнул и вышел.

Алиса осталась у стола, глядя на документ.

Марк подошёл к ней сбоку.

— Ты можешь отказаться.

— Нет.

— Я должен был предложить.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

— Потому что всё это началось не с тебя. Ты не обязана расплачиваться за чужие решения.

Алиса медленно повернулась.

— Мой отец погиб. Его имя использовали в поддельном документе. Денис умер, пытаясь что-то доказать. И кто-то сейчас следит за нами. Ты действительно думаешь, что я могу просто закрыть ноутбук и вернуться к обычной жизни?

— Нет.

— Тогда не предлагай мне отступить.

Марк долго смотрел на неё.

— Хорошо.

Она закатила глаза.

— Когда-нибудь я заставлю тебя подобрать другое слово.

— Буду ждать с нетерпением.

Он улыбнулся, и Алиса вдруг почувствовала, что устала не только от страха, но и от постоянной необходимости держать себя в руках.

Ей хотелось хотя бы на минуту перестать быть человеком, который знает, что делать.

Хотелось позволить кому-то другому принять решение.

Она ненавидела это желание.

И всё же, когда Марк протянул ей руку, помогая спустить-

ся с высокой ступеньки у выхода из переговорной, Алиса не отдёрнула свою.

Их пальцы соприкоснулись.

Всего на секунду.

Но он не отпустил её сразу.

Она подняла глаза.

Марк смотрел на неё без привычной иронии, без расчёта, без попытки угадать, что она думает.

В этот момент между ними не было ни писем, ни поддельных документов, ни мёртвых людей.

Только опасное, необъяснимое притяжение, которому Алиса пока не собиралась давать имя.

Она первой убрала руку.

— В десять вечера, — сказала она.

— В десять вечера, — повторил Марк.

И оба сделали вид, что ничего не произошло.

В 21:47 Алиса стояла у окна своей квартиры и смотрела на улицу.

Она не любила выезжать на задания без плана. Поэтому у неё был план.

Телефон заряжен. Адрес архива сохранён. Копии документов отправлены в защищённое хранилище. Марк получил отдельную папку с материалами. Кирилл должен был сообщить им, если выяснит что-то о ночном доступе в здание.

Она даже написала матери сообщение с простым вопросом: помнит ли та папку отца и сохранились ли его старые

рабочие документы.

Ответа пока не было.

Алиса посмотрела на часы.

21:49.

В дверь позвонили.

Она открыла.

Марк стоял на пороге с двумя бумажными стаканами кофе.

— Только не говори, что я опять не ела, — сказала Алиса.

— Я собирался сказать, что у тебя закончился кофе.

Она посмотрела на стаканы.

— Откуда ты знаешь?

— Ты прислала мне фотографию документов. На заднем плане была пустая банка.

Алиса не смогла сдержать улыбку.

— Ты действительно замечаешь слишком много.

— Иногда это полезно.

Он протянул ей один стакан.

— Готова?

Она взяла кофе.

— Нет.

— Я тоже.

— Тогда почему ты здесь?

Марк посмотрел ей в глаза.

— Потому что ты всё равно поедешь.

Алиса открыла дверь шире.

— Заходи. У нас есть десять минут, чтобы решить, как не попасться людям, которые, возможно, ждут нас в архиве.

Марк вошёл.

Алиса закрыла дверь.

И ни один из них не заметил, как на экране её телефона загорелось новое сообщение.

Оно пришло от матери.

«Алиса, не ищи папку. Я знаю, что ты нашла. Пожалуйста, не езди сегодня в старый корпус. Если ты уже рассказала Волкову, что было с твоим отцом, немедленно прекрати с ним общаться».

А ниже — ещё одна строка.

«Он был там в ту ночь».

Глава 8. Он был там в ту ночь

Алиса перечитала сообщение матери трижды.

Первый раз — не поверив глазам.

Второй — пытаясь найти в словах хоть что-то, что позволило бы объяснить их иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.